

АЛЕКСЕЙ АРЖАНОВ ВИКТОР МОЛОТОВ

ТОЛЬКО ДВА УКОЛЬЧИКА!

ЧОКНУТЬСЯ
МОЖНО!

Алексей Аржанов
Виктор Молотов
Чокнуться можно! Том 2

<https://litres.ru/74125772>

SelfPub; 2026

Аннотация

Весеннее обострение? Моё началось с того, что я переродился. Лучший психиатр своего времени — в теле уголовника, за которым охотятся очень серьёзные люди.

Выход? Спрятаться там, где никто не будет искать — в больнице маленького городка. Сменить имя. Не высовываться.

Только от Системы не спрячешься. Тело уголовника её не тянет, совместимость на нуле. Если не прокачаюсь, то оно меня убьёт. А прокачка у психиатра одна: лечить, диагностировать, залезать в чужие головы.

Хорошо, что пациентов тут хватает. Плохо, что те, кто ищет прежнего хозяина этого тела, уже в городе.

А ещё сегодня ко мне на приём записался император Римской империи!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	36
Глава 4	54
Глава 5	68
Глава 6	82
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Алексей Аржанов, Виктор Молотов

Чокнуться можно! Том 2

Глава 1

На Тиховолжск снова обрушился дождь. Он противно за-текал за шиворот, но меня это сейчас мало волновало. Всё моё внимание было сосредоточено на двух «шкафах», заблокировавших тротуар, и на Астахове, который, кажется, за-был, как дышать.

Седой медленно перевёл взгляд на всклокоченного муж-чину в грязной куртке. Астахов, чей визг только что разда-вался на всю улицу, резко затих. Он сначала побледнел, а потом и вовсе позеленел.

— Ты... ты чего несёшь, урод?! — выпучив на меня глаза, наконец крикнул он. — Какой Борзов? Я Астахов! Я врач! Я в Саратове в пятой клинике...

— Врач? — я перебил его, обращаясь уже к бандитам. Го-лос мой звучал спокойно. Даже в такой ситуации я старался разговаривать так, как обычно общаюсь с пациентами. Что-бы те доверяли мне самое сокровенное. — Вы посмотрите на него. Лицо опухшее, руки трясутся, взгляд бегаёт. Клас-

сический портрет человека в бегах. А теперь посмотрите на меня. У меня через пятнадцать минут приём в поликлинике начинается. Вы действительно думаете, что ваш «босс», человек с его... биографией, добровольно пошёл бы восемь лет учиться в медицинском, чтобы за копейки выслушивать жалобы на деменцию?

Миха нахмурился, его кулаки чуть разжались.

— Слышь, Седой... А ведь дело говорит. Борзый, говорят, к врачам на пушечный выстрел не подходил. Чтобы он сам сунулся в медицину? Да быть того не может.

Астахов понял, что почва уходит у него из-под ног. Он дёрнулся в сторону, надеясь проскочить между машинами, но Миха среагировал мгновенно. Тяжелая рука легла беглецу на затылок и впечатала его в капот внедорожника.

— Стоять, болезный, — пророкотал Миха. — Куда намылился?

— Пустите! — Астахов забился, размазывая сопли по металлу. — Это подстава! Он врёт! Он всё подстроил!

/ВНИМАНИЕ! Зафиксирован критический выброс адреналина у субъекта «Астахов». Уровень паники — 98%. Вероятность успеха внушения — высокая/

— Проверьте его документы, — посоветовал я, но на всякий случай сделал шаг назад, чтобы выйти из зоны прямого контакта. — И мои можете глянуть. Я — Алексей Сергеевич Астахов. Можете позвонить в регистратуру поликлиники, там подтвердят. А вот кто этот гражданин, который толь-

ко что угрожал меня закопать за долги... это уже вопрос к вам.

Седой подозрительно прищурился. Он явно не привык к таким логическим умозаключениям.

— С чего бы нам тебе верить, докторишка? Борзов — это не имя, а порода. И ты на неё больно похож, — прорычал он.

Я вытащил из кармана свой новенький паспорт и протянул его Седому.

— Смотрите. Астахов А. С. Лицо соответствует. А теперь вытряхните паспорт из него. Если он честный врач, ему нечего бояться, верно?

Я уже знал. Обо всём догадался. Моя гипотеза вот-вот подтвердится...

Миха, не церемонясь, сунул руку во внутренний карман Астахова. Тот заскулил, пытаясь вывернуться, но хватка бандита была железной. Через секунду в руках у Седого оказался потрёпанный документ.

Седой раскрыл его, и я увидел, как его брови поползли вверх.

— Миха, гляди-ка... — пробормотал он. — Александр Петрович Борзов. Фото... Ну, чуть посвежее, чем на нашей ориентировке, но это точно он.

Астахов замер. Его глаза расширились, когда он осознал, что именно сейчас прочитал бандит.

— Нет! Нет-нет-нет! — заорал он, срываясь на ультразвук. — Это ошибка! Это фальшивка! Я купил этот паспорт

в Таиланде! Мне сказали, это чистые документы! Я не Борзов! Я вас не знаю и не знал никогда!

— О, как запел! — Седой захлопнул паспорт и с размаху ударил Астахова по лицу. Не сильно, скорее пренебрежительно. — Купил в Таиланде? Ну-ну, конечно! А рожу тоже в Таиланде подправил? Сейчас в машине нам будешь сказки свои рассказывать. Как раз не скучно будет до Саратова ехать.

— Послушай, Седой! — Миха первым поддался под влияние моего внушения. — Я ж слышал, как он орал. Говорил ведь, что закопает докторишку, если он долг не вернёт. Всё сходится — это точно «наш» человек. Опустился, правда... Врачей средь бела дня обворовывает.

Седой посмотрел на меня, потом на рыдающего Астахова, которого Миха уже волок к дверям джипа, и лишь пожал плечами.

— Ты... ты... — Астахов извивался в руках Михи, глядя на меня с такой ненавистью, будто того и гляди дырку во мне прожжёт. — Я тебе это припомню! Обязательно припомню, сволочь!

Я поправил воротник своего пальто и бросил в напутствие:

— Желаю вам удачного пути в Саратов, Александр Петрович. Надеюсь, там вам помогут... разобраться с долгами.

Дверь внедорожника захлопнулась, и крики Астахова прекратились. Двигатель мощно взрыкнул, и чёрный джип, чуть

не обдав меня брызгами из лужи, рванул с места и скрылся за поворотом.

Я остался стоять на пустой улице. Сердцебиение уже начало успокаиваться.

Две проблемы одним махом... Вот это везение!

/ВНИМАНИЕ! Угроза минимизирована. Текущий статус: вне подозрений. Вероятность раскрытия в ближайшие 48 часов: 15%/

Пятнадцать процентов... Слишком много. Но я и сам понимаю, что рано или поздно меня снова раскроют. Это лишь отсрочка. Хотя... Кто знает, как обернётся судьба?

Я продолжил свой путь на работу. Смеяться было не над чем, но я с трудом сдерживал усмешку. То, что только что случилось — это ирония высшего сорта. Шутка судьбы неопишемого масштаба.

Несколько месяцев назад я отдал все сбережения своего предшественника, чтобы купить на чёрном рынке чистые документы. Там же я оставил и свой настоящий паспорт. А потом Астахов, возвращаясь в Россию, купил первый самый дешёвый документ, потому что на другой у него не было денег.

И ему не посчастливилось приобрести именно мой паспорт. Либо же кто-то на чёрном рынке специально подсунул именно этот документ — теперь уже не узнать наверняка.

По факту мы просто обменялись масками, случайно или специально — неважно. Хотя, если учесть, что творил настоящий Астахов в клинике — среди уголовников ему самое

место.

А моё место — в кабинете психиатра. Судьба сама всех рассудила.

Однако расслабляться пока что не стоит. Я использовал своё внушение, напряг систему, лишь бы увести разговор в другое русло. Если бы бандиты вспомнили, что у настоящего Борзова есть татуировка, они бы обязательно проверили моё плечо и нашли её блеклые остатки.

Точно... Теперь понятно, почему меня гопники так испугались. Видимо, эти господа из группировки приехали пару дней назад и уже начали искать меня среди местной шпаны. Вот гопники и сложили «два плюс два».

Но ничего. Как показала практика, прошлое нельзя просто сжечь. Его можно только переиграть. А уж переигрывать я умею, как никто другой!

Рабочий день в поликлинике после утреннего инцидента с бандитами казался мне теперь тихой гаванью. Однако ещё одна тайна так и осталась неразгаданной.

Вчерашняя записка. Я прихватил её с собой, чтобы сверить почерки. Этим я и займусь. Но для начала нужно заглянуть в кабинет, который упоминался в этом романтическом послании.

Кабинет №12 находился прямо за стеллажами с медкартами около регистратуры.

Дверь была приоткрыта, и оттуда доносилось приглушённое хихиканье. Я заглянул внутрь. Две медсестры, имён ко-

торых я пока не знал, склонились над столом, всю изучая пачку глянцевых карточек.

— Нет, ты посмотри! «Алексей Астахов. Лечу разбитые сердца. Любовная психотерапия». Боже, как это пошло и мило одновременно! — пропищала та, что помоложе.

— А на обороте? «Твой личный антидепрессант». Девочки, я не могу, я записываюсь к нему на приём прямо сейчас! — вторила ей вторая.

Я кашлянул. Медсёстры подскочили, пытаюсь спрятать карточки под кипу отчётов.

— Доброе утро, дамы. Я слышал, у вас тут раздаточный материал для моего кабинета?

— Ой, Алексей Сергеевич! — молоденькая покраснела настолько, что я уже начал переживать за её кожные сосуды. — Да вот, принесли вчера курьером. Мы просто проверяли... качество печати.

Я взял одну визитку.

Проклятье... Почему мне так стыдно, если делал это другой человек? Кажется, это чувство называется «испанский стыд». Или, как любит выражаться современная молодёжь: «кринж».

Золотое тиснение, нежно-розовый фон и текст, от которого у любого нормального психиатра начался бы нервный тик: «Алексей Астахов. Психиатр, который видит тебя насквозь. Не бойся своих желаний — бойся их отсутствия. Номер для записи и свиданий: ...»

И внизу — маленькое изображение фонендоскопа, свёрнутого в форме сердечка.

— Благодарю за бдительность, — сухо сказал я, загребая всю пачку в охапку. — Больше не проверяйте. Это... рекламный брак.

Попутно я бегло глянул на их бейджики. «Светлана» и «Елена». Никаких «А». Скорее всего, преступница скрывается не в регистратуре. Иначе бы система уже почувствовала её по изменению эмоционального фона.

Чёрт меня раздери, ну что за детский сад? Ежу понятно, что не я склепал эту дрянь.

И меня эта гадость никак не заденет. Но удовлетворён я буду только тогда, когда найду виновного.

Большую часть этого типографского кошмара я отправил в ближайшую урну, но одну визитку припрятал. Почерк на записке и шрифт на визитках явно заказывал один и тот же «романтик».

В моём кабинете было подозрительно тихо. Полина сидела за своим столом и с совершенно непроницаемым лицом обмахивалась той самой розовой визиткой, словно веером.

— Алексей Сергеевич, а я и не знала, что вы у нас такой... многогранный, — не поднимая глаз от журнала, произнесла она. — «Твой личный антидепрессант»? Это какая-то новая методика из Саратова? Входит в стандарты ОМС?

Я молча подошёл и выхватил карточку у неё из рук.

— Полина, ну ты-то профессионал! Отставить шуточки.

Тебе это не идёт.

— Да эти дурацкие визитки уже разлетелись по всему этажу, — подметила она. — Большую часть я уже утилизировала. Но... одна всё-таки попала к нашему наркологу.

— Да что ты? Не смею даже предположить, что он на это сказал, — сухо усмехнулся я.

— Сказал, что пора скидываться вам на розовый халат. Но потом долго возмущался, что сам завидует такому вниманию, — пожала плечами она.

— Как только найду того, кто их распечатал, обязательно попрошу, чтобы выпустили отдельную серию для Бахаева, — рассмеялся я и присел за свой стол.

В итоге весь рабочий день превратился в операцию под прикрытием. Между пациентами я заходил в ординаторскую под предлогом проверки журналов, копался в архивах, сверял каракули врачей и почерки медсестёр. Система ещё никогда не работала так долго ради сухой ерунды. Но я не мог это так оставить.

Интерфейс сравнивал завитки и наклоны букв.

Анна из процедуры? Нет, почерк слишком агрессивный.

Альбина из физкабинета? Слишком много петель.

Во время обеденного перерыва дверь распахнулась, и на пороге возник Макс. Сегодня он был в приподнятом настроении. И я сразу понял почему.

— Даже не думай, — «выстрелил» на опережение я.

— Э... Ладно, — осёкся Макс. — Да ты не парься так,

Док. О тебе ж такую добрую славу распространили. Я слышал, как медсёстры из хирургии переговаривались между собой. Обе хотят с тобой познакомиться.

Только этого мне не хватало.

Я хотел его осадить ещё раз, но Макс внезапно замолчал на полуслове. Его взгляд приклеился к Полине, которая в этот момент как раз встала, чтобы поправить стопку папок. Макс замер, как кролик перед удавом.

— Ого... — выдохнул он. — А это... это кто?

Полина бросила на него холодный, оценивающий взгляд и снова уткнулась в бумаги.

— Это Полина, мой незаменимый помощник, — я быстро встал между ними, перекрывая Максу обзор. — Макс, ты по делу или только про медсестёр рассказать пришёл?

— А? Что? — он с трудом вернулся в реальность. — Да, дело. Вот, держи. Бумаги со станции, — он шлёпнул на стол папку. — Тут список наших постоянных клиентов. Психически больные, у которых мы на этой неделе были на выездах. Сафонов сказал, что ты должен их планово посетить на дому. График, адреса, диагнозы — всё там. Проверь их, а то они нам всю статистику по вызовам портят.

— Понял, спасибо, — я забрал папку, стараясь выставить Макса за дверь, пока он не начал пускать слюни на Полину. — Всё, иди, у тебя вызовов полно.

— Слышь, Док, а Полина... Она замужем? — прошептал он уже в дверях.

— Иди уже, Казанова недоделанный, — мне наконец удалось вытолкать его в коридор.

Вот уж правда — весеннее обострение! Народ с ума походил во всех смыслах.

В конце смены, когда поток пациентов иссяк, я сел разгребать принесённые Максом бумаги. Диагнозы были стандартные: шизофрения, старческие психозы, биполярка... Я лениво перебирал листы вызовов, заполненные разными фельдшерами скорой.

И вдруг...

Перед глазами вспыхнуло ярко-зелёное уведомление. Система, которая весь день работала в фоновом режиме, буквально взорвалась сигналом тревоги.

/ВНИМАНИЕ! Обнаружено совпадение графических паттернов/

/Объект: карта вызова №412. Заполнение: фельдшер скорой помощи/

/Степень совпадения с исходной запиской «Ваша А»: 99%/

Я замер. Рука с листом бумаги задрожала от предвкушения.

— Бинго... — прошептал я.

Я медленно перевёл взгляд на графу «ФИО фельдшера». Там, размашисто и аккуратно, стояла подпись.

«Ангелина Д».

Это была не медсестра. Это была фельдшер со скорой, которая работала в одной смене с Максом. Я вспомнил её —

невысокая, тихая девушка, которая всегда держалась в тени. И судя по всему, именно она смогла незаметно подкинуть мне ту записку. Я просто не обратил внимания на неё в толпе.

— Что там, Алексей Сергеевич? Нашли что-то интересное? — Полина подошла сзади и заглянула в мой документ. Я быстро прикрыл фамилию ладонью.

— Да так... Один очень сложный случай, Полина. Кажется, мне придётся навестить этого «пациента» лично, — ответил я. — И чем скорее, тем лучше.

Я решил не откладывать это в долгий ящик. Если фельдшер скорой помощи играет со мной в тайного поклонника, используя столь дурацкие визитки, то это либо начало очень странной и, возможно, даже опасной одержимости, либо...

Либо есть ещё пара вариантов, которые я уже отложил у себя на подкорке.

В любом случае в моей ситуации любая неучтённая переменная — это потенциальный провал. Я привык доводить все дела до конца.

Добрался до станции скорой и прошёл мимо скучающего дежурного. К счастью скучающего. Раз дежурному нечем заняться, значит сегодня город чувствует себя хорошо! Такое меня всегда радует.

Свою цель я нашёл в кабинете для оформления документации.

Та самая Ангелина была там. Она сидела одна в неболь-

шом, заваленном папками помещении, склонившись над журналом вызовов. Хрупкая, с тонкими чертами лица и волосами, стянутыми в тугий узел. Когда я вошёл и мягко прикрыл за собой дверь, она даже не подняла головы. Продолжала строчить что-то ручкой.

— Ещё один адрес, Ангелина? — негромко спросил я.

Она вздрогнула так, будто я не фразу сказал, а в потолок выстрелил. Ручка в её пальцах дёрнулась и оставила длинный косой след на странице. Она медленно подняла взгляд, и я заметил, как расширились её зрачки.

/ВНИМАНИЕ! Анализ психоэмоционального статуса. Субъект: Ангелина Д. Частота сердечных сокращений: 115 уд/мин. Повышенное потоотделение. Зафиксирован паттерн «страх/избегание». Вероятность деструктивной реакции: 65%/

— Алексей Сергеевич? — голос её дрогнул. — Вы... вы что-то хотели? Макс уже уехал на вызов, если вы его ищете...

Я прошёл вглубь комнаты и присел на край стола, прямо напротив неё. В воздухе повисло тяжёлое, липкое напряжение.

— Я ищу не Макса. А автора этого шедевра полиграфии, — я медленно выложил на стол розовую визитку. — Знаете, Ангелина, у каждого врача есть свой почерк. И я сейчас не про каракули в рецептах. Я про манеру расставлять акценты. Завиток у буквы «А» на вашей подписи в журнале вызовов идентичен тому, что я увидел в записке.

Она попыталась рассмеяться, но вышло сухо. Притворяться она не умеет.

— О чём вы? Мало ли в мире похожих почерков... Это просто глупая шутка, наверное. Кто-то из медсестёр...

— Нет, это не медсёстры, — я подошёл ближе и настроил нейроинтерфейс на режим мягкого допроса. — Ангелина, я психиатр. И вижу, когда человек врёт. Если он врёт намеренно, первым выдаёт себя тело. У вас сейчас пульс такой, что его слышно без стетоскопа. Зачем вам это? «Твой личный антидепрессант»? «Номер для свиданий»? Вы ведь понимаете, что это не просто подрыв моей репутации? Это саботаж. Этим вы могли нарушить весь рабочий процесс.

И в каком-то смысле нарушила. Ведь я полдня проверял почерки вместо того, чтобы заполнять свою документацию!

Она молчала, вцепилась пальцами в край стола. Её дыхание стало прерывистым.

— Я... я просто... — она запнулась, старалась не смотреть ни на меня, ни на визитку. — Я не хотела ничего плохого...

— Правда? — я прищурился. — Тогда объясните мотив. Я с радостью выслушаю.

/ВНИМАНИЕ! Анализ микровыражений завершён. Паттерн «Романтическая привязанность» отсутствует. Обнаружен доминирующий паттерн: «отчаяние/принуждение». Субъект действует под внешним давлением/

Ах вот оно что... Этот вариант я тоже предполагал. Выходит, это и вправду чья-то целенаправленная шутка. Но толь-

ко не её. Она лишь соучастник.

— Ангелина, — мой голос стал жёстче, — кто заставил вас это сделать? Это не любовная игра. Вы кого-то боитесь. Кого именно?

Она открыла рот, собираясь что-то ответить, её губы задрожали, но в этот момент за моей спиной послышался резкий щелчок дверной ручки. Дверь распахнулась.

Я не стал оборачиваться сразу. Моё внимание было приковано к Ангелине. Система ещё не закончила её сканировать.

Мало ли кто зашёл в кабинет? Скорее всего, кто-то из фельдшеров решил закинуть журнал.

Но то, что я увидел на её лице в следующую секунду, не поддавалось никакому клиническому описанию.

Её глаза чуть не вылезли из орбит, а зрачки расширились от страха. Она смотрела не на меня — она смотрела через моё плечо. На того, кто вошёл в кабинет.

Прежде чем я успел обернуться, из Ангелины вырвался оглушительный визг.

М-да... Ну и завершение рабочей недели...

Чокнуться можно!

Глава 2

Я начал медленно разворачиваться. По старой привычке уже начал рассчитывать траекторию удара. А мало ли? Вдруг за мной уже вернулись бандиты? И не исключено, что Ангелина испугалась пистолета.

Моё тело приготовилось к рывку, нейроинтерфейс всюду высчитывал вероятность моей победы, но...

Но вместо киллера или бандита из «Северных» я увидел... нечто.

В дверном проёме замерла бесформенная фигура в зелёном брезенте. Голова «существа» была скрыта плотной чёрной сеткой, сквозь которую не угадывалось ни одной человеческой черты. В руках этот монстр сжимал длинный тонкий шест. В полумраке станции, на фоне белых кафельных стен, это выглядело как оживший кошмар из какого-нибудь фильма ужасов про болота.

— Алексей Сергеевич! — пророкотало чудовище глухим, утробным басом. — Вот ты где! Затихарился, как окунь в корягах!

Ангелина, издав звук, похожий на свист сдувающегося шарика, просто сползла со стула на пол.

Я же медленно выдохнул. Система свернула свой интерфейс. Никакой опасности мне не грозит.

Жаров.

— Андрей Александрович? — я присмотрелся к колышущейся сетке. — Не постесняюсь спросить... А вы в своём уме?

«Монстр» поднял противомоскитную маску на лоб, обнажая покрасневшее, довольное лицо нашего сельского терапевта. В руках он сжимал не копьё, а дорогое углепластиковое удилище в чехле.

— А что не так? — искренне удивился он, шурша тяжёлым рыболовным костюмом. — Я тут решил вам показать, какое снаряжение мне удалось достать! Завтра с утра планируем на рыбалку с коллегами. Вот думаем, может, и вы с нами согласитесь поехать?

— Нет, я всё, конечно, понимаю, но... — я указал на Ангелину, которая судорожно хватала ртом воздух. — Вы только что чуть не отправили фельдшера в кардиологию с фибрилляцией. Вы бы себя видели со стороны, Андрей Александрович!

Жаров виновато глянул на девушку и почесал затылок.

— Ой, Линочка, извини. Забыл, что маску не снял... Короче, доктор Астахов, говорю по делу! Мы завтра с утра к горам планируем. На озеро рыбачить. Бахаев уже червей накопал, гинеколог обещал одолжить нам лодку. Поехали с нами? С утра туман, тишина, лещ пойдёт такой, что руки устанут таскать. Вам полезно — заодно мозги проветрите после своих психов.

Я удивлённо осмотрел Жарова с ног до головы. В клинике

его считали золотым диагностом, но я и подумать не мог, что он окажется таким фанатом рыбалки.

— Завтра? — я сделал паузу, прикидывая свои планы. — В шесть утра?

— В пять тридцать, мы за вами заедем! — Жаров просиял и потряс удочкой. — Возьмите только воду с собой и одежду, а всё остальное обеспечим. Посидим чисто мужской компанией!

— Так, предложение интересное, — тут же зажёгся я. — Я задержусь тут на полчаса. Потом обсудим подробности. Идёт?

— Конечно, Алексей Сергеевич! — улыбнулся во весь рот Жаров. — Куда ж я денусь? Мне ещё инвалидности до поздней ночи оформлять. Найдёте тогда меня в кабинете.

Он подмигнул и, громыхая сапогами, скрылся в коридоре. Я дождался, пока звук его шагов затихнет, и закрыл дверь на щелчок. Тишина в кабинете стала почти осязаемой.

— Вставайте, Ангелина, — я подошёл к девушке и протянул руку. — Речные чудовища на сегодня закончились. Остались только мы с вами.

Она приняла мою помощь, поднялась, пошатываясь, и села обратно на стул. Вид у неё был разбитый. Маска «тайной воздыхательницы» окончательно сползла, обнажив измученного, загнанного в угол человека.

— Теперь, когда нам не мешают рыболовы, — я присел на край стола, — давайте вернёмся к именам. Вы ведь пони-

маете, что ситуация неприятная. Подсудное дело. Клевета, подрыв репутации должностного лица. Сразу оговорюсь — я не хочу на вас докладывать. Просто расскажите, откуда ноги растут. Почему вы так поступили?

Она закрыла лицо руками.

— Это Щербатов... — глухо донеслось сквозь пальцы. — Александр Щербатов. Фельдшер из второй смены.

Я прищурился. Это имя уже всплывало. Тот самый тип, который пытался подставить Макса. Я тогда с ним серьёзно поговорил — и, видимо, ему это не понравилось. Мелочный, завистливый и крайне осторожный.

— И чем же Александр заслужил такую преданность с вашей стороны? — я спрашивал аккуратно, пытался нащупать слабое место. — Любовь? Деньги? Или он знает о вас что-то, что не должны знать остальные?

Ангелина подняла голову. В глазах стояли слезы, но она всё ещё сдерживалась.

— Он записал мои слова на диктофон. Я... я подрабатываю. Ставлю капельницы на дому тяжёлым пациентам после запоев. Без лицензии, неофициально. Щербатов узнал, выследил меня. Сказал, что если я не сделаю из вас посмешище, он отправит запись в полицию.

— Посмешище? — я усмехнулся, вертя в пальцах розовую визитку. — То есть план был в том, чтобы сделать меня «антидепрессантом для свиданий»? Что-то он помелочился. Я бы на его месте придумал что-нибудь посерьёзнее.

— Он хотел, чтобы вас считали клоуном, Алексей Сергеевич. Сказал: «Так над ним вся поликлиника ржать будет». Сафонов ведь ненавидит такую самодеятельность. Он бы вас съел за эти визитки. Вы ведь их уже уничтожили, да?

— К счастью, уничтожил, — кивнул я. — Но слухи ещё долго ходить будут.

Я прошёлся по кабинету, анализируя ситуацию. Щербатов действовал глупо, но эффективно. В медицинской среде репутацию очень легко разрушить. Тем более в маленьком городе. Тут слухи распространяются быстрее скорости света.

— Вы ведь понимаете, что он не удалит запись? — спросил я. — Такие, как Щербатов, никогда не отпускают жертву. Сегодня — визитки, завтра вы будете воровать для него препараты из сейфа. Вы уже на крючке, Ангелина.

Я мысленно усмехнулся своему сравнению. Прямо-таки в тему перед началом рыбалки.

— Я знаю... — всхлипнула она. — Но что мне делать? У меня мама больная, мне нельзя терять работу!

Зафиксирован момент для идеального психологического перехвата!

Отлично. Значит, действуем!

— У вас есть два варианта. Первый: вы продолжаете дрожать и ждать, когда он вас сдаст. Второй: вы переходите под мою защиту. Я — психиатр, Ангелина. Работаю и с более серьёзными ситуациями. Каждый день. Щербатов — просто мелочь. Мы найдём способ, как от него избавиться.

— И что вы предлагаете? — в её глазах промелькнула надежда и страх одновременно. Правда, запугивать я её точно не собирался.

— Мне нужно, чтобы вы продолжали играть его роль. Скажите ему, что я в ярости, что ищу автора, но ничего не нашёл. Пусть он расслабится. Пусть думает, что его план работает.

— А потом? — прошептала она.

Я улыбнулся. И вряд ли эта улыбка выглядела доброй со стороны. Ведь я уже начал готовить для Щербатова сюрприз.

— А потом мы сделаем так, чтобы он сам во всём сознался. На этот счёт не беспокойтесь — это уже чисто моя головная боль. Но это будет позже. На следующей неделе. А пока... идите домой. А насчёт «левых» капельниц... Что я тут могу сказать? Этим многие занимаются. Зарплаты низкие, денег не хватает — я всё понимаю. Это не моё дело. Я вас шантажировать не собираюсь. Вы помогаете людям и получаете за это плату. А уж касаются законов... Тут я вам не судья. Сами как-нибудь разберётесь.

Она расслабилась, с благодарностью кивнула и начала быстро собирать вещи. Когда дверь за ней закрылась, я снова посмотрел на удочку, которую Жаров по забывчивости прислонил к стене.

Рыбалка... Что ж, Жаров прав. Мне не помешает проветриться. Не припомню, чтобы я вообще отдыхал с тех пор, как... Как попал в этот мир.

А с Щербатовым разберусь уже после выходных. Никуда он от меня не денется.

Я направился в сторону терапевтического крыла. В коридорах уже было пусто, только одинокая санитарка лениво вошла шваброй по линолеуму. В кабинете Жарова горел свет.

Мне пришлось застать Андрея Александровича погребённым под горой папок. Он уже снял свой рыболовный костюм, но вид имел ещё более измождённый, чем когда изображал болотное чудовище.

— Пишете? — сочувственно спросил я, присаживаясь на свободный стул.

— Пишу, Алексей Сергеевич, пишу, будь проклята эта бюрократия, — Жаров, не отрываясь от листа, яростно зачеркнул что-то в анкете. — Третья инвалидность за вечер. Каждая — как диссертация. Собери все выписки, обоснуй каждое ограничение жизнедеятельности, подколи результаты анализов за последний год... А лучше — за всю жизнь! Чтобы одну группу оформить, нужно часов десять чистого времени убить. А у меня их за неделю — пять штук!

Я невольно вздохнул. Во времени, из которого я пришёл, оформление статуса «ограниченных возможностей» занимало ровно три минуты. Пациент заходил в медицинский сканер, система считывала биологические показатели, сравнивала их с базой данных и выдавала чип-идентификатор. Никаких бумаг, никаких часов заполнения анкет, никакого человеческого фактора. Здесь же врач превращался в писа-

ря-каторжника.

— Понимаю вас. Сам жду не дождусь, когда процесс оформления инвалидностей станет... более цивилизованным, — заметил я. — Но пока имеем то, что имеем. Ваше предложение насчёт рыбалки ещё в силе?

Жаров наконец отложил ручку и с хрустом потянулся, чтобы размять затёкшую шею.

— Ещё как в силе! Я же говорю — чисто мужской состав. Хорошо проведём время на свежем воздухе! Поеду я, Бахаев и Забелин, невролог.

— Забелин?! — удивился я. — Да ладно? Я, честно говоря, не думал, что этот ворчун вообще выбирается куда-то за пределы клиники.

Жаров рассмеялся.

— Да, я сам удивился! Забелин, конечно, мужик нервный. Но говорят, рыбачить он умеет.

Я задумался. Компания подбирается интересная, но мне захотелось разбавить эту «профессуру» кем-то более приземлённым.

— Слушайте, Андрей Александрович, а если я с собой Макса со скорой возьму? Что скажете? Парень он толковый, весёлый, место в машине найдём?

Жаров на мгновение задумался, а потом хлопнул ладонью по столу.

— Макса? Это который на прошлой неделе устроился? Конечно, берите! Водитель от бога! Я с ним несколько раз

на адреса в сёла ездил. Никогда ещё так быстро не добирался! Мы его уместим, не вопрос. В тесноте, да не в обиде. Чем больше народу, тем веселее у костра сидеть. У Забелина «УАЗик-буханка» есть. Между нами говоря, он зачем-то у скорой его выкупил. Им нужно было эту машину куда-то списать, вот он и забрал. Уж в ней точно все поместятся!

«Буханка» — это вещь! Танк, а не машина. В моём времени остался всего один экземпляр — остальные утилизировали. Но о ней ходили легенды. Говорили, что на этом автомобиле можно было проехать через что угодно. Хоть через горы, хоть через болота — ей всё равно!

Я достал телефон и набрал номер Макса. Тот ответил почти сразу, на фоне слышался шум сирен и какая-то ругань.

— Макс, отвлекаю? — спросил я.

— Да у меня алкаши с фельдшерами подрались, — бодро отозвался Макс. — Вроде немного утихомирились. Едем в стационар. Что-то случилось, док?

— Завтра в пять тридцать едем на рыбалку с Жаровым и Бахаетым. Ты как, не дежуришь?

— Рыбалка?! — Макс аж взвизгнул. — Природа, удочки, костёр? Да я такого ещё с тех пор, как отсиде... кхем, — Макс осёкся. — Давно я такого удовольствия не испытывал! Записывай меня. Завтра утром буду как штык! На выходных не дежурю!

— Вот и отлично, — я усмехнулся, сбросил вызов и удовлетворительно кивнул Жарову. — Едет.

— Ну и славно, — Жаров снова взялся за ручку, но теперь уже с улыбкой. — Всё, Алексей Сергеевич, идите отдыхать. Мне тут ещё пару часов скрипеть, а вам нужно выспаться. Сборы в пять тридцать у вашего подъезда. Не проспите, карась ждать не любит!

Домой я возвращался уже в полной темноте. Быстрые сборы не заняли много времени: старый рюкзак, тёплый свитер, пара ножей и набор лекарств. Лекарства на всякий случай. Раз с нами едет человек, которого обзывают «Бухаевым», лучше на всякий случай прихватить медикаменты.

Вставать придётся рано, но я хорошо мотивирован. Будущее, в котором я жил, хоть и прекрасно с технологической точки зрения, но... Рыбачить мне там удавалось крайне редко. У нас настоящих природных водоёмов толком не осталось. Одни высокотехнологичные пруды. Тоска...

Именно поэтому я так быстро согласился на предложение Жарова. Хочется испытать то, чего я не испытывал в далёком будущем.

Я завёл будильник на пять утра и провалился в глубокий сон. Голова едва коснулась подушки. Впереди ждёт первый настоящий выходной в этом странном для меня мире.

Ровно в пять утра затрезвонила отвратительная мелодия на моём смартфоне, и клянусь чем угодно, от неё проснулся бы даже мертвец.

Я подскочил, не сразу пришёл в себя. Даже не осознал, где нахожусь. Всё-таки стресс и усталость дают о себе знать. Но

скоро мы это исправим!

Холодный душ и крепкий кофе быстро расставили всё по своим местам. Я был готов к выходным. И чувствую, я их хорошо запомню!

Ровно в пять тридцать во дворе раздался звук, который невозможно спутать ни с чем. Грохот старого двигателя «буханки».

Я накинул рюкзак и вышел на улицу. Из окна пассажирского сиденья высунулся Жаров, уже облачённый в тот самый костюм, которого так испугалась Ангелина. Разве что маски на нём не было.

— Астахов! Не проспал! — радостно крикнул он. — Запрыгивай! Мы уже в полном сборе!

Я дернул на себя тяжёлую боковую дверь. А открыть старую «буханку» — это целое искусство! Тут нужно и подумать, и силу приложить, и поколдовать не помешает, если уж на то пошло!

Внутри уже расположились мои коллеги. Нарколог Бахаев, судя по запаху и раскрасневшемуся носу, уже начал «подготовку» к рыбалке. Рядом с ним, вжавшись в угол, сидел Макс. Выглядел он уж слишком бодро для человека, который дежурил без выходных почти целую неделю.

За рулём, вцепившись в баранку, сидел Забелин. Невролог лишь коротко кивнул мне. В его взгляде до сих пор читались и уважение и неприязнь. Никак он не определится, как относиться ко мне после того случая с водителем губер-

натора.

— Поехали, — буркнул он, и мы погнали на заслуженный отдых.

Дорога к озеру пролегла через несколько сёл и густой сосновый бор. Жаров то и дело подсказывал Забелину, как правильно ехать. Неврологу это не нравилось, но сельского терапевта он всё-таки слушался. Уж кто-кто, а Жаров точно знает весь Тиховолжский район как свои пять пальцев. Даже лучше!

«Буханку» нещадно трясло на каждой кочке. Этот так называемый танк может превратить нас в фарш, если ехать по бездорожью слишком долго.

М-да... А в будущем о нём отзывались иначе. Хотя... Может, я что-то не понимаю? Видимо, в этом автомобиле есть своя романтика. Всё-таки тяжело человеку из другого времени адаптироваться в новой для себя среде. Я ведь всё автоматически сравниваю с технологиями будущего.

Правда... Когда наша машина преодолела лужу, которая, казалось, была глубже целого озера, я сразу же всё понял.

Да, правду говорили. Это — не машина. Абсолютный вездеход.

— А я ему говорю: «Петрович, если ты ещё раз решишь, что белая горячка — это атака рептилоидов, я тебя на всю жизнь в психушку отправлю!» — Бахаев заливисто расхохотался, попутно прихлёбывая из фляжки. — Макс, ты же его вёз вчера?

Не знаю, как я упустил этот момент, но после заправки Забелин и Бахаев поменялись местами. И до меня только сейчас дошло, что наркологу Бахаев пил не только вчера. Более того, он прямо за рулём пьёт! Останавливать его уже слишком поздно — мы скоро доедем до пункта назначения. Но на обратной дороге лучше передать руль более ответственному водителю. Например, Макс.

— Да, я этого пациента вёз, — кивнул Макс. — Буйный дед. Кричал, что у него в голове змеи. Я ему сказал, что у нас в клинике есть психиатр, который этих змей на завтрак ест. Почему-то он после этого затих, а фельдшеры меня отругали. До сих пор не могу понять, с чего бы вдруг...

Жаров, сидевший на переднем сидении, тут же обернулся.

— Кстати, о змеях и прочих вредителях, — бросил он. — Слыхали, что Щербатов опять в администрацию бегал? Всё пытается подсидеть кого-то. Говорят, на тебя, Алексей Сергеевич, зуб точит.

Я внимательно прислушался. Система в фоновом режиме начала анализировать тембр голоса Жарова.

/ВНИМАНИЕ! Маркеры искренности: 92%. Субъект обеспокоен. Информация подтверждается/

— Зуб? — я усмехнулся. — Пусть точит. Главное, чтобы челюсть не вывихнул. Правда, как он меня собирается подсидеть — непонятно. Он же фельдшер. Сразу оговорюсь, фельдшеров я уважаю. И очень глубоко. Но врача с двумя образованиями он чисто по закону заменить не сможет. Так

что не понимаю, как тут можно кого-то подсадить. С тем же успехом какой-нибудь лаборант может надеяться, что подсадит доцента. Как он это сделает, если для этого нужно ещё отучиться лет пять? Кстати, а что именно он там болтает?

— Да чушь всякую несёт! — невролог Забелин неожиданно вступил в разговор.

Что самое интересное, я в очередной раз отметил, что установленный мной фильтр в нейроинтерфейсе до сих пор работает. Забелин только что покрыл фельдшера трёхэтажным матом. А я услышал просто: «Чушь всякую несёт!»

— Говорил, мол, зазнался «гений», — продолжил невролог. — Но Сафонов его пока осаживает. Ему скандалы лишние не нужны. Но Щербатов — гнилой человек, сразу вам скажу. Он если вцепится, то до конца. Я его ещё со времён интернатуры помню — он тогда на своего наставника донос написал. Из-за какой-то ерунды. Опытный врач чуть своего места не лишился за пару лет до пенсии!

Макс рядом со мной напрягся. Его пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Я заметил это и чуть толкнул его локтем. Призвал к спокойствию. У Макса с этим фельдшером свои счёты, но последнее, что нам всем нужно — это многосторонний конфликт.

К озеру мы прибыли, когда солнце ещё только собиралось появиться из-за горизонта. Пригорное озеро и окружающие его земли источали только тишину. Над водой виднелся густой туман.

Прелести раннего утра!

— Красота... — выдохнул Бахаев и вывалился из машины. — Воздух-то какой! Аж лёгким щекотно!

Мы начали разгружаться. Забелин и Жаров орудовали снастями, Бахаев возился с котелком, а мы с Максом вызвались натаскать хвороста. Я на мгновение замер у берега. Решил посмотреть на воду.

В этом времени столько несовершенства. Бюрократия, грязь, обман. Зато природа неизменная! Такая, какая должна быть. А в моём времени всё иначе. Система отлажена идеально. Но от природы почти ничего не осталось. На секунду я почувствовал настоящий покой.

Мы с Максом вернулись к стоянке. Едва тащили на себе сухие сосновые ветки. Возле «буханки» уже всюю кипела жизнь. Но жизнь, если честно, какая-то странная. Забелин и Бахаев, вместо того чтобы расставлять снасти, стояли голова к голове и о чём-то напряженно шушукались.

Стоило нам подойти, как они мгновенно выпрямились, причём Бахаев попытался прикрыть собой какой-то свёрток на капоте.

— Что-то случилось? — я сбросил хворост на землю и вопросительно взглянул на Жарова.

— Понятия не имею. Старики в партизан играют, — терапевт только плечами пожал.

Бахаев, почувствовав внимание, тут же расплылся в своей фирменной хитрой улыбке.

— Да ничего не случилось, Алексей Сергеевич! — крикнул он. — Просто обсуждали с неврологом нашу... молодежь. Вот смотрю я на вас с Максом и думаю: вы же без интернета даже червя на крючок правильно не насадите. Поколение современных девайсов, — он пренебрежительно махнул рукой.

— Чего? — Макс аж поперхнулся. — Да я в детстве на одну палку с леской больше рыбы доставал, чем вы сейчас со своими импортными катушками поймаете!

Забелин, до этого хранивший молчание, вдруг прищурился. Из-под его седых бровей сверкнул азартный огонек.

— Слова... Пустые слова! Только болтать и можете. А рыба любит тишину. Предлагаю пари! Мы с Бахаевым уходим на другую сторону озера, к камышам. Вы остаётесь здесь. Кто до конца выходных добудет больше рыбы по весу — тот и победил.

— А на что спорим? — я скрестил руки на груди.

— Проигравшие всю следующую неделю дежурят за победителей на самых тяжёлых сменах! — выпалил Бахаев. — Идёт?

Он ведь явно заранее это заготовил — готов поспорить.

Мы с Максом и Жаровым переглянулись. Я сразу понял, что молодые коллеги не хотят отставать от опытных рыбаков.

— Идёт, — кивнул я. — Готовьтесь заполнять журналы за меня, доктор Бахаев. Мы так просто не сдадимся. Верно, парни?

Андрей с Максом ответили воинственным кличем.

Старики, довольно потирая руки, быстро покидали вещи в лодку и отчалили. Уплыли к дальнему концу озера, исчезли в тумане.

Час прошёл в относительном покое. Мы начали готовиться к рыбалке, но тут же возникли первые трудности.

— Эм... господа, — обратился к нам Жаров, выбравшийся из «буханки». — У нас проблемы.

— Чего там? — бросил Макс.

Жаров совсем поник.

— Простите... Старики утащили всё. Палатки, еду, воду... Даже удочки, чтоб меня!

Глава 3

Жаров стоял у распахнутой задней двери «буханки». Он явно не знал, что ещё тут можно добавить. Парень был растерян. Старики надули нас. Превратили отдых в соревнование с элементами выживания.

Я сразу же подумал, что можно было бы уехать. Ответить им той же монетой. Попросить Макса, чтобы довёз нас до города. Но кто ж знает Забелина? Может, он пойдёт и заявит об угоне!

А даже если и не заявит — не суть важно, у нас всё равно ничего не выйдет, потому что ключей в машине «старая гвардия» не оставила.

Мы с Максом замерли с охапками хвороста в руках. Секунд пять мы не слышали ничего, кроме шума леса и мошкар.

— В смысле, утащили? — Макс первым нарушил молчание. Он бросил ветки и подлетел к машине. Решил заглянуть внутрь, чтобы собственными глазами увидеть масштаб катастрофы. — Да ладно... Ни заварки, ни тушёнки? Андрей Александрович, вы же говорили, что Забелин — мужик нервный, но честный!

— Да можно уже на «ты», Макс, — попросил Жаров. — Честный он, это факт. Но только в плане медицины. А на рыбалке, как мы уже поняли, он настоящий хищник. И Бахаев

такой же оказался. Решили нас испытать, раз мы молодые. Это у них дедовщина такая, юмор медицинский — не знаю, как иначе это объяснить!

Я подошёл к машине. Внутри и вправду было чисто. И как они только на горбах своих смогли всё так быстро перетаскать?! Видимо, воспользовались моментом, пока мы были заняты сбором хвороста.

Ни одной сумки, ни одного чехла — всё стащили. На полу валялась одна-единственная одинокая алюминиевая кружка, которую, видимо, уронили при бегстве.

— Дедовщина, значит... — прошептал я.

/ВНИМАНИЕ! Зафиксирован критический уровень деморализации группы. Объект «Макс»: гнев, жажда немедленного физического столкновения. Объект «Жаров»: апатия, готовность сдать. Рекомендуется вмешательство!

Макс уже начал засучивать рукава. Смотрел через туман на другой берег озера с такой яростью, будто оттуда вот-вот приплывут вооружённые до зубов враги.

— Док, да я сейчас вплавь до них доберусь! Я им эти удочки в одно место засуну до самой катушки! Мне-то проигрыш ничем не грозит, я дежурю на скорой. Но за вас с Андреем обидно. Вам ведь столько работы накидают...

— Сядь, Макс, — спокойно попросил я.

— Чего «сядь»? Мы тут с голоду сдохнем до завтра!

— А я говорю — сядь. И ты, Андрей, успокаивайся уже. Ничего страшного не случилось, — произнёс я. — Так да-

же интереснее. Как говорится, лучший отдых — это смена деятельности. А деятельности на этих выходных, как вы уже поняли, у нас будет очень много!

Я присел на корточки у колеса «буханки». Затем взглянул на своих соратников. В моей прошлой жизни такие ситуации решались одним нажатием кнопки вызова службы снабжения. Нам бы сюда даже пиццу могли доставить с помощью роботов-курьеров.

Но сейчас ситуация иная. Здесь всё зависит от того, смогу ли я заставить этих двоих поверить, что мы — не жертвы, а охотники. И думаю, шансы есть. Лично меня эта ситуация, наоборот, взбудоражила в хорошем смысле этого слова!

Настоящее испытание. Почему бы не попробовать?

— Давайте включим мозги, — заговорил я. — Что у нас осталось? Машина. В ней можно спать. Лучше любой палатки. Затем... пять литров технической воды в канистре. Моток изоленды. Набор ключей в бардачке. И... — я заглянул под сиденье. — О, старый брезент. Грязный, но плотный.

— И что мы с этим сделаем? — буркнул Жаров. — Удочек нет. Крючков нет. Хлеба для наживки — и того нет!

— У нас есть кое-что получше, — я хитро улыбнулся. — Нас больше. Мы молоды и крепки. Да, может быть, опыт у нас не такой богатый, как у наших «противников», но если отнесёмся к ситуации серьёзно — они проиграют. Я в этом уверен, — мой взгляд упал на Жарова. — Андрей, ты ведь тут уже рыбачил раньше. Вспомни, где тут на озере самое

рыбное место, о котором Бахаев не знает?

— Есть такое, — оживился Жаров. — «Чёрная яма» за островом. Но туда с берега не докинешь, камыши в три роста. Нужна лодка. А лодка теперь у них! Хотя насчёт этой лодки я с гинекологом договаривался! С какой стати они вообще её у нас стащили?!

— Будет нам лодка, — я посмотрел на запаску, висевшую на задней двери. — И еда будет. Макс, ты же мне как-то сам рассказывал, что в детстве на палку ловил. Было такое или нет?

— Ловил, — Макс шмыгнул носом. Мне удалось отвлечь его от негативных эмоций. В его глазах загорелся интерес. — Но крючки-то где взять?

— Изготовим. В «буханке» полно проволоки и пружин. Главное — прекращай злиться. А лучше — направь свою злобу в верное русло. Вы понимаете, что будет, если мы завтра утром предъявим им улов больше, чем у них? Бахаев же от злости свою фляжку проглотит — зуб даю!

Макс громко хохотнул. Видимо, представил эту картину.

— Слушай, Док, а ведь верно. Давайте попробуем!

— Вот это правильный настрой, — я встал и потёр ладонью о ладонь. — Значит, так. Макс — на тебе хворост и добыча дров. Мы пока собрали слишком мало. Андрей, покопайся в машине. Ищи всё металлическое. Только постарайся сам автомобиль при этом не разобрать! Скрепки, проволоку, старые гвозди — всё сгодится. А я займусь проектировани-

ем нашего «флота».

— Какого ещё флота? — не понял Жаров.

— Который доставит нас к «Чёрной яме». Скоро сами всё поймёте. Работаем, коллеги! Нас ждёт неделя без дежурств, и я не намерен её уступать старой гвардии!

/СТАТУС ГРУППЫ: уровень лояльности повышен. Боевой дух — 75%. Начало фазы «Подготовка»/

Прежде чем приступить к работе, я ещё раз взглянул на туман, за которым скрывались наши соперники. Старики думают, что оставили нас ни с чем. Но они просто не догадываются, какой план созрел в моей голове. Мы их сделаем.

Настало время превратить старую списанную «буханку» в рыболовную верфь!

Работа закипела. Если бы кто-то со стороны увидел, чем мы занимаемся, думаю, нас бы точно без суда и следствия отправили бы туда, куда я обычно направляю своих пациентов.

В психушку.

Макс работал как трактор. Таскал из леса поваленные сосны. Благо Андрей рассказал, что как раз в этой зоне вырубка разрешена. Никаких санкций не последует. Жаров с нескрываемым энтузиазмом ползал по машине и искал всё, что плохо лежит.

Работа пошла. И хорошо!

— Слушай, Док, — Макс бросил у моих ног очередное бревно и устало вытер пот со лба. — А мы точно на этом

поплывём? Что-то я переживаю. Как бы не потонуть к чёртовой матери...

— Не просто поплывем, Макс. Мы пойдём с комфортом!
— я разложил на траве старый брезент.

Система мало чем могла помочь в данной ситуации, но польза от неё была. Она фиксировала в своей памяти всё, что я когда-либо читал или изучал. Поэтому смогла дать пару подсказок. Например о том, что плавучесть четырёх пустых пятилитровых канистр и одного накачанного колеса сможет выдержать нас троих.

Если, конечно, никто плясать на борту не задумает!

— Я в молодости из покрышек плоты строил, — услышался крик Жарова из машины. Терапевт высунулся из салона, триумфально сжимая в руке моток медной проволоки и пару длинных саморезов. — Гляди, Алексей! И ещё пару пружин от сиденья нашёл. Сталь отменная, если на костре закалить — крючки выйдут отличные!

И это хорошие новости.

Я снова обратился к своей библиотеке данных. Система не всесильна, но всё же я могу немного «помучить» её ради достижения нашей общей цели.

/АНАЛИЗ КОНСТРУКЦИИ: платформа из канистр и запаски. Крепление: изолента и брезентовая стяжка. Расчётный центр тяжести: смещён. Рекомендация: использовать брёвна как балансиры/

— Так, мужики, слушай команду, — я встал примерно

в центре нашей «верфи». — Жаров, ты у нас теперь кузнец. Как бы абсурдно это ни звучало. Обжигай пружины, гни крючки. Сделай их побольше, чтобы на крупняка хватило. Макс, ты — главный инженер-механик. А точнее — судостроитель. Привязывай канистры к запаске изолентой, но без фанатизма, нам ещё брёвна крепить.

— Изолента — это святое, — благоговейно произнёс Макс, приклеивая первую канистру к резине колеса. — На ней половина техники на станции скорой держится! Если она не поможет, значит, шансов у нас нет и не было с самого начала.

Как ни странно, но процесс захватил всех. Жаров, что-то ворча себе под нос, выгибал из калёной проволоки вполне приличные крючки. А затем принялся затачивать их о плоский речной камень. Я в это время занимался самым ответственным — созданием «двигателя». Лодка сама не поплывёт.

Из двух плоских веток и остатков брезента я соорудил нечто вроде вёсел. Конструкция вышла крепкая. Не должна сломаться.

Что ж... В самом крайнем случае мы все умеем плавать.

— Гляньте-ка, — Макс указал на воду. — Старики на том берегу костёр развели. Дымком тянет... Шашлыком пахнет. Зараза! Вот ведь сволочи!

— Успокойся, — попросил я. — Пусть наслаждаются, пока могут. Завтра их будет ждать большой сюрприз.

— Алексей, а что нам с наживкой делать? Хлеба-то нет,
— пожал плечами Жаров.

— А на что нам хлеб, когда у нас под ногами бесконечный источник наживок? Макс, пойдём копать. У воды личинки подёнки должны быть. И червь береговой. В крайнем случае землю немного подденем — точно кого-нибудь найдём. Нам этого с головой хватит!

Как же хорошо, что перед поездкой на рыбалку я ознакомился с этим вопросом. Выдалось немного свободного времени, которое я потратил на чтение статей, чтобы разобраться в вопросе.

Профессионалом в рыбалке я от этого не стал, но хотя бы базовые правила усвоил.

Через два часа наш «флагман» был готов. Зрелище, конечно, было невероятное. Честно говоря, я и сам поверить не мог, что у нас получилось создать... это!

В центре конструкции — запасное колесо, по бокам — канистры, всё это примотано к двум длинным брёвнам-поплавкам синей изолентой. И обтянуто брезентом на всякий пожарный.

— Назовем её «Победа», — предложил Макс. Он неуверенно потрогал конструкцию ногами.

Пока что никто в нашей команде не был уверен, что это «судно» поплывёт. Но я всё же надеялся, что моя идея превзойдёт все ожидания.

— Главное, чтобы эта лодка по итогу «Титаником» не ока-

залась, — усмехнулся Жаров.

— Есть хочется, — Макс погладил урчащий живот. — Крючки готовы, но ловить будем ночью. А сейчас что? Может, кто-то из нас по-быстрому до ближайшего села сгоняет, пока не стемнело? Там наверняка продуктовые должны быть.

— Не успеем, — отрезал я. — Смотрите сюда...

Я подошёл к зарослям у берега и выдернул длинный стебель с характерным коричневым «початком».

— Рогоз, господа. Его корни — это чистый крахмал. На вкус как печёная картошка будет, если правильно приготовить.

— Серьёзно? — поморщился Жаров. — Я всегда думал, что это обычный... камыш?

— Да их почему-то постоянно путают. Не знаю, откуда пошёл этот миф. Камыш — с колосками. А вот эти початки — рогоз. Доверьтесь мне. Не погрём! — заявил я, а затем бросил очищенные корневища в угли костра, который уже успел развести Макс. — Пять минут — и будет вам деликатес.

Когда корни запеклись, мы присели у огня и приступили к трапезе. Пальцы жгло, но мы всё равно жевали запечённую мякоть. На вкус это и вправду напоминало сладковатый картофель. Из минусов только привкус тины и запах дыма. А в остальном — очень даже съедобно.

— Знаешь, Док, — Макс прожевал кусок и посмотрел на небо. Над нами уже начали виднеться звезды. Надвигалась ночь. — А ведь круто! Даже если ничего не поймает... Я всё

равно рад, что мы тут собрались. Давно я так не отвлекался от быта. Хотя... Нет! Мы всё равно поймаем! Должны!

— Обязаны, — кивнул я. — Скорее всего, сейчас начнётся ночной жор. Время, когда рыбы выбираются на мелководье. Андрей, доставай свои крючки. Пора отправляться в плавание.

/СТАТУС: групповое сплочение — 95%. Готовность к фазе «Охота» — максимальная/

Мы подхватили наше чудо инженерной мысли и понесли его к воде. Впереди нас ждала «Чёрная яма» — место, где, по словам Жарова, особенно много рыбы.

Главное — не пересечься со стариками. Хотя я полагаю, что они уже выпили и уснули. Может, поймали несколько рыб. Но вряд ли они, как и мы, отправятся плавать посреди ночи.

Спуск на воду чем-то мне напомнил сцену из исторического кино о первооткрывателях. Правда, у нас очень бюджетный вариант и постановка немного абсурдная!

Наша «Победа» при соприкосновении с озёрной водой издала подозрительный хлюпающий звук. Настал момент истины.

И...

Вопреки опасениям Макса, на дно она не пошла!

— Тихо, тихо! — прошипел Жаров, когда мы по одному начали забираться на брезентовую палубу. — Макс, ты куда всей массой давишь?! Центр тяжести соблюдай, чёрт тебя

подери! Мы же сейчас перевернёмся!

— Да я стараюсь! — Макс раскорячился как краб. Из всех сил старался балансировать. — Эта так называемая лодка будто живая! Она, блин, шевелится!

Плот действительно шевелился под нами. Канистры жалобно поскрипывали, но старая добрая изоленга всё же каким-то чудом смогла их удержать. Брёвна слегка уходили под воду, и из-за этого создавалась иллюзия того, что мы плывем на полузатопленном плоту.

— Спокойно, — я вонзил весло в ил и оттолкнулся от берега. — Он нас удержит. Главное — не делайте слишком резких движений.

Мы медленно заскользили в туман. Тишина над озером казалась абсолютной. Каждый всплеск воды бил по ушам, как удар молота.

/ВНИМАНИЕ! Аналитическая подсистема переведена в режим гидроакустического мониторинга. Ошибка: функции не предусмотрены заводскими настройками. Запуск эмульсии через обработку микровибраций корпуса.../

Я невольно усмехнулся про себя.

Если бы разработчики моего нейроинтерфейса увидели, как я его сейчас использую, они бы сами с ума посходили. Мощнейший вычислительный алгоритм, созданный для того, чтобы вытаскивать людей из психозов, депрессий и других неприятных состояний, сейчас был занят анализом воды, состояния плота и всего, что находится под нами.

Честно говоря, я и сам такого не ожидал.

— Док, ты чего так улыбаешься? — прошептал Макс. — Страшно же, ни черта не видно!

— Всё под контролем, дружище. Мы идём точно по курсу. Андрей, долго ещё до ямы?

Жаров, сидевший на носу, всматривался в очертания берегов. Правда, «носом» это назвать язык не поворачивается. Но имеем, что имеем.

— Вон те две сосны видишь? Они как рога из тумана торчат, — подметил Андрей. — Сразу за ними дно уходит вниз метра на четыре. Там коряжник, самое место для сомов. Вот там-то мы и приступим к ловле!

Минут через десять я почувствовал, как сопротивление воды изменилось. Плот замер над тёмным пятном.

— Приплыли, — подытожил я. — Разматывайте снасти.

Наши снасти выглядели, мягко говоря, специфично. Медная проволока, привязанная к толстой леске, которую Макс нашёл в недрах «буханки», и те самые крючки, выгнутые Жаровым. В качестве наживки пошёл береговой червь. Жирный, живой — рыба точно клонет.

Однако первые полчаса прошли в томительном ожидании. Мы сидели плечом к плечу, боясь пошевелиться. Туман был холодный. Мы продрогли, но нас, в отличие от старой гвардии, грел не алкоголь, а неубиваемый азарт!

— Есть! — вдруг выдохнул Жаров. Его леска вдруг резко натянулась. — Ого... Алексей, там кто-то есть! Тяжёлый!

— Не рви! — я подполз ближе к нему, и плот немного накренился. — Попускай понемногу!

Вода рядом с плотом покрылась рябью. Кто-то мощный и недовольный на том конце лески решил, что медная проволока во рту его мало устраивает. И плот тут же повело в сторону.

— Он нас буксирует! — Макс вцепился в брёвна. — Док, кранты! Рыбина же нас таким макаронками к старикам на тот берег притащит, вот смеху-то будет! Или вообще потопит!

— Не притащит, — я активировал визуальное усиление, пытаюсь рассмотреть в глубине тепловой контур рыбы.

ОБЪЕКТ ОБНАРУЖЕН. Вид: сазан (крупная особь). Вес: 7-9 кг. Вектор тяги: 45 градусов вниз!

— Андрей, уводи его вправо от коряг! Макс, приготовься подхватить под жабры, другого выхода нет! — крикнул я.

Началась борьба. Рыбалкой назвать это было трудно. Тут уже настоящая битва за выживание началась. Между сазаном и работниками поликлиники. Жаров матерился сквозь зубы, а фильтр моего нейроинтерфейса перевёл его реплику как...

— Ох, какая активная рыба!

Разумеется, на самом деле Жаров выразился несколько иначе.

Леска резала ему пальцы, но он не отпускал. Плот уже начал черпать воду бортом, Макс чуть не упал в озеро. Но всё же смог удержать и себя и конструкцию от переворота.

Наконец, у поверхности показалась огромная золотистая чешуя. Рыбина ударила хвостом и обдала нас брызгами.

— Хватай! — рявкнул Жаров.

Макс, забыв о страхе, перегнулся через край и буквально вцепился в рыбу. Секунда борьбы, брызги, крики — и на наш брезент с тяжёлым шлепком завалился огромный сазан. Он бил хвостом по канистрам. Грохот был такой, будто кто-то по барабану стучит.

— Мы это сделали... — Макс рухнул на спину, тяжело дыша и прижимая рыбину к себе, как родную. — Док, ты видел?! Мы его взяли! Без удочек! Без лодки! На чистом упрямстве!

Жаров глядел на свои покрасневшие ладони и улыбался.

— Бахаев за такую рыбину душу бы продал. А у нас она — только первая! И это ведь только начало, — воскликнул он.

Я посмотрел на восток. Туман потихоньку редел.

— Да, только начало, господа, — я снова взялся за весло. — У нас есть ещё пара часов до рассвета. К тому времени, как старики проснутся, мы «буханку» так рыбой забьём, что она просядет!

В голове мелькнула странная мысль. До этого почему-то мне это на ум вообще не приходило.

Интересно, если я когда-нибудь вернусь в своё время, поверят ли мне, что я ловил рыбу на изоленту и запасное колесо? Хотя нет, не поверят. Скажут — галлюцинация на фоне переутомления. И только этот сазан, тяжело ворочающий-

ся на плоту, был самым реальным доказательством того, что жизнь в этом времени гораздо интереснее той, в которой жил я.

Вот только если я когда-нибудь снова перемещусь в будущее, сазана с собой точно не утащу. Особенно такого тяжелого!

К рассвету мы едва держались на ногах от усталости, но изнутри «буханка» теперь выглядела так, будто мы рыбный магазин ограбили.

Система этой ночью помогла вычислить ещё две точки — и теперь рядом с первым сазаном лежали три увесистых судака и пара сомов, которых Макс ранее вытягивал с таким рыком, что я даже удивился — как только Забелин с Бахатовым не проснулись.

Когда туман окончательно рассеялся, на горизонте показалась лодка старой гвардии. Бахатов и Забелин гребли неспешно, но с таким гордым видом, будто они целый мир победили. Триумф, победа! Вот что они ощущали. Глаза у стариков блестели.

Но они ещё не знают, какой сюрприз мы для них заготовили.

— Ну что, молодежь! — дерзко крикнул Бахатов, хоть они с Забелиным ещё и не успели причалить. — Как спалось вам в машине? Животы от голода не свело? Расслабьтесь и уж не обижайтесь! Мы вам в качестве извинения тут окушков на уху привезли, по доброте душевной!

Забелин прыгнул на берег, подтянул лодку и с гордостью кивнул на ведро, где плескалось десятка два средних окуней и один щурёнок.

— Для любителей — результат достойный, — важно про-
изнёс невролог. — Можете признавать поражение сейчас.
Так и быть, в понедельник дам вам полчаса лишних на обед.

Я переглянулся с Максом и Жаровым. Мы были грязные, в чешуе, с красными от бессонницы глазами, но нас уже рас-
пирало хохота, который мы пытались сдержать изо всех сил.

— Да мы как-то... сами справились, — скромно заметил
я и улыбнулся своим соратникам.

Макс с каменным лицом подошёл к «буханке» и распах-
нул задние двери.

Наступила тишина. Бахаев, который уже открыл рот, что-
бы отпустить очередную шуточку, сразу же замер. Его ниж-
няя челюсть отвисла.

Нарколог медленно подошёл ближе, заглянул в багажник,
потом перевёл взгляд на наше «судно» из канистр и изолен-
ты. И в его глазах промелькнул страх.

Готов поклясться, что в эту секунду он подумал, что час
настал. Всё-таки пришла к нему «белка». А белая горячка,
как известно, дарит незабываемые галлюцинации.

— Это... это на что же вы всё это поймали? — прошептал
он, тыкая пальцем в самого крупного сазана. — На червя?
С берега?!

— На пружину от заднего сиденья, — не выдержал Жа-

ров. Он подошёл к коллегам и по-дружески похлопал Бахаева по плечу. — Вы не переживайте, доктор. Мы вам пару хвостов отстегнём, чтоб перед женой не стыдно было. Но спор есть спор. В понедельник вы с Забелиным на приёме за двоих? По-мужски ведь договаривались. Всё верно говорю?

— А то! — хором ответили мы с Максом.

Забелин подошёл к нашему плоту, потрогал изоленту, покачал головой и тут же рассмеялся.

— Ну, черти... Вот это импровизация. Да если б знал, что вы на такое способны, я бы не... — он осёкся. — Ладно, признаю. Уделали вы нас. По красоте уделали.

Атмосфера мгновенно разрядилась. Не было никакой злости — только крепкие рукопожатия и искреннее изумление старших коллег. Мы вместе загрузили остатки вещей. Правда, физическая усталость брала верх. Сейчас нас заряжала только радость от победы.

Эх и не зря же мы всё-таки это судно так называли!

— Всё, по коням! — скомандовал Забелин и уселся за руль. — Домой хочу, в душ и спать.

Мы с Максом и Жаровым запрыгнули в салон. Каждый из нас уже предвкушал, как мы рухнем в мягкие кровати. Забелин вставил ключ в замок зажигания, повернул его...

И тишина. Ни одного щелчка. Только приборная панель мигнула и сразу же погасла.

Забелин нахмурился, повторил попытку. Раз, второй, третий.

Машина была мертва.

Невролог медленно повернул голову к нам, и в его взгляде я прочитал недоброе подозрение.

— Слушайте, «инженеры» фиговы... — процедил сквозь зубы он. — Вы когда свой флот строили... то из нутра машины ничего жизненно важного не доставали?

Макс медленно перевёл взгляд на Жарова. Я тоже посмотрел на Андрея.

Терапевт вдруг замер, его кадык судорожно дёрнулся вверх-вниз. Он явно что-то вспомнил. Жаров напряжённо проглотил сухой ком.

— Андрей? — позвал его я.

— Ну... — прошептал Жаров. — Кажется, кое-что я из машины всё-таки позаимствовал...

Глава 4

— Жаров! — Забелин шептал, но от этого его голос не стал менее угрожающим. Я даже без системы почувствовал повисшее в воздухе напряжение. — Что именно ты там «позаимствовал»?

Андрей виновато развёл руками. Заговорил не сразу. Но все уже поняли, что он достал из машины что-то важное. Поскольку я прибыл из будущего, в местных автомобилях ничего не смыслу. Но всё равно понимаю, что одна «похищенная» деталь может полностью лишить машину работоспособности.

— Ну... Когда Алексей сказал, что флот надо соорудить, я подумал, что нам нужно надёжное крепление для каркаса. В багажнике ничего подходящего не было, и я... решил под капот заглянуть. На всякий случай. Подумал, что «буханка» — машина сильная! Вряд ли она сломается, если забрать всего одну деталь.

Да уж, а Жаров, судя по всему, в машинах разбирается не лучше меня.

— Короче, Андрей, короче! — потребовал Бахаев. — Чего ты оттуда достал?

— Там была такая длинная толстая медная шина. Гибкая... Эм, прочная такая! — принялся описывать он.

Забелин прикрыл глаза. Его лицо исказилось от боли. Ра-

зумеется, душевной.

— Шина? — прошептал он. — Выходит... Ты «массу» снял? Жаров... Ты выдрал силовой провод, соединяющий двигатель с корпусом?!

— Я думал, это просто лишний провод! — вскинулся Андрей. — Там их много! А он прям идеально подходил, чтобы брёвна стянуть!

— Лишний провод, — Бахаев закрыл лицо руками и застонал, как раненый медведь. — Нет, ну вы слышали это? Он пустил главный кабель на обвязку бревна! Жаров, ну ты действительно гений. Теперь я понимаю, почему тебя терапевты так называют! Надеюсь, ты хотя бы пациентов не такими же методами лечишь? Зараза, хорошо, что ты не хирург! А то вырезал бы у больного что-нибудь лишнее. А что? Вдруг в хозяйстве пригодится, да?!

Макс, который до этого момента тихо посмеивался, всё-таки решил вылезти из машины и заглянуть под капот.

— Так, — начал диагностику он. — Всё ясно. Одно могу сказать точно. Шина теперь точно на дне озера. Я заметил, что во время рыбалки от бревна что-то металлическое отвалилось. Теперь догадываюсь, что это было... Плюс, Жаров, когда ты её откручивал, то, кажется, задел клемму втягивающего реле стартера. Она просто отвалилась от старости.

— Починить сможешь? — с надеждой спросил я.

Макс вздохнул и вытер испачканные в масле руки о штаны. Судя по его взгляду, надежды на спасение машины уже

не было.

— Док, я водитель, а не волшебник. Если найду какой-нибудь кусок толстой проволоки, смогу попробовать кинуть «массу» в обход. Но реле... Если оно внутри рассыпалось, нам нужен донор. Короче, я поколую, но ничего не обещаю. Шанс — пятьдесят на пятьдесят. Либо заведётся, либо мы тут будем сидеть до тех пор, пока к нам помощь не прибудет. Ах да... Дайте угадаю, у вас мобильники тоже разрядились?

— Угадал, — хором ответили мы с Жаровым.

— А мы свои вообще не брали! — хмыкнул Бахаев. — На кой чёрт они нужны на природе?

Ситуация складывается паршивая. Система уже начала строить логистические цепочки.

/ВНИМАНИЕ! Прогноз задержки: 12-18 часов. Ресурс аккумулятора ограничен. Рекомендуется поиск альтернативного источника запчастей. Боевой дух отряда стремительно снижается/

Боевой дух! Я аж мысленно усмехнулся над тем, как система обозвала настроение моих коллег. Но в одном она права — мы тут задержимся надолго, если ничего не предпримем. Деваться некуда, придётся решать проблему иными методами.

— Ждать нельзя, — отрезал я. — Макс, попробуй реанимировать этот металлолом. Андрей, ты же сельский терапевт. Сам говорил, что все эти тропы наизусть знаешь. Где тут жизнь можно найти? Село или деревню?

Жаров приободрился, почувствовав, что его не собираются бить. По крайней мере, прямо сейчас.

— Если мне память не изменяет, тут за лесом, в трёх-четырёх километрах будет деревня Красные Ключи. Там фермеры живут, у них техники навалом. Если повезёт, найдём и провод, и реле от какого-нибудь старого трактора или такой же «буханки». Транспорт у них точно есть.

— Идём, — я подхватил куртку. — Забелин, Бахаев, оставайтесь с Максом. Помогайте ему чем сможете. А мы с Андреем — на разведку.

Путь до деревни занял около часа. Жаров шёл бодро, но всё время извинялся за свою ошибку. Я же слушал его и думал о том, как странно всё-таки устроена жизнь. Ещё вчера я мечтал о покое, а сегодня иду по колено в росе за деталью, которую в моём мире напечатали бы на портативном 3D-принтере. Причём за считанные секунды!

Когда за деревьями показались заборы самых отдалённых домов Красных Ключей, я почувствовал неладное. Тишина деревни была нарушена знакомым рёвом двигателя и миганием синего маячка.

— Скорая? — удивился Жаров. — Да ладно? Наши здесь, Алексей! Нам повезло!

Спорное заявление. Если тут скорая, то нам повезло, зато кому-то — определённо нет. Посмотрим. Может, сможем чем-то помочь.

Мы прибавили шагу. У кирпичного дома стояла старая

«газель». Всего у нас на скорой две таких газели. «Буханок» гораздо больше. И все как одна заводятся через раз.

Но больше всего меня удивило то, что происходило около машины скорой.

Капот был задран, а водитель яростно копался в двигателе. Матерился, стучал по корпусу — никак не мог успокоиться. Вот так ирония... Я надеялся, что мы тут найдём помощь, а наши коллеги по иронии судьбы застряли точно в такой же ситуации.

Рядом, нервно куря, суетился Александр Щербатов. Тот самый фельдшер, который точил зуб на нас с Максом.

Вот так встреча!

Увидев нас, он едва не выронил сигарету.

— Астахов?! Жаров?! Вы что тут забыли?

— Машина встала, — коротко бросил я и подошёл почти вплотную к Щербатову. — А у вас что?

— Да проклятая колымага! — взорвался фельдшер. — Генератор сдох, аккумулятор сел, теперь чихнуть не может — не то что завестись! А у нас там... — он махнул рукой в сторону дома. — Мужчина, пятьдесят лет. Острая боль в животе, подозрение на прободную язву или панкреонекроз. Давление падает, а мы застряли!

— Другую машину вызвали? — уточнил я.

— Толку-то? — усмехнулся Щербатов. — Я позвонил, а они мне говорят, что машин свободных нет. Мол, чинитесь и везите пациента сами!

— О-о, ну добро пожаловать в наш мир, Сань, — Жаров, к моему удивлению, оскалился как дикий зверь. Такой перемены настроения я в нём не ожидал.

Объект: Жаров. Высокий уровень агрессии. Красный фон. Обида, жажда возмездия и справедливости. Желание отыграться!

И кажется, я начинаю понимать, почему в нём вдруг взвыли такие эмоции. Скопился стресс, и он решил выпустить гнев за все утаённые обиды.

— Андрей Александрович, вы чего? — нахмурился Щербатов.

— Сколько раз я вызывал скорую экстренным пациентам, и сколько раз мне отказывали? Не припомните? Я, кажется, приносил вам отчёт. Помню, ваш Михал Михалыч тогда аж докладную на меня написал на имя главного врача. И с вас подписи собрал. Сволочи! — Жаров воспламенился чуть ли не буквально. — А когда мне пациентов приходилось на необорудованной машине везти в стационар, рискуя их жизнью и своей свободой, я почему-то докладную не подавал. Меня ж могли в тюрьму упечь, если бы что-то пошло не так.

Щербатов опешил. Не знал, что и ответить. И я понимал, что Жаров прав. Спорить с ним сейчас бесполезно.

— Андрей, — я использовал навыки системы и решил надавить на нужные темы, чтобы Жаров прекратил этот спор. Сейчас это нам ни к чему, хотя он, не спорю, прав во многом. — Сейчас в доме экстренный пациент, который нуждается в

помощи врача. Нет смысла спорить и тянуть время. Хотя у нас и выходной, но человеку мы помочь обязаны.

Жаров тут же изменился в лице. Гнев и суета спали. Моё убеждение подействовало, и в нём проснулся врач.

— Я иду в дом, — заключил он. — Сделаю, что смогу.

— А где врач бригады? — сбросил Щербатова я.

Фельдшер усмехнулся.

— Какой врач, Астахов? Ты в каком мире живёшь? На район три бригады, везде одни фельдшеры. У нас врачей скорой помощи отродясь не было. Мы сами по себе. Я зашёл, обезболит, но там всё плохо. Нужно оперировать, а мы... Мы даже до райцентра его не довезём! Машина встала!

/ВНИМАНИЕ! Анализ ситуации. Субъект Щербатов: высокий уровень стресса, когнитивная ригидность. Субъект «пациент»: критическое состояние. Рекомендуется немедленный осмотр!

Фельдшеры — ребята крепкие, но без должного образования и оборудования они часто оказываются бессильны перед лицом сложной патологии. На фельдшерах в нашей стране держатся все сёла и скорая помощь. Если бы мог, я бы им памятник поставил. Но бывают безвыходные ситуации, когда наши младшие коллеги бессильны.

Они могут забинтовать, вколоть анальгетик, но они не видят клиническую картину так, как её видит обученный врач.

— Идём, я пойду с тобой, Андрей, — заключил я. — Осмотрим пациента вместе. Две головы лучше одной.

— Эй! Вы куда? — крикнул Щербатов. — Без вызова нельзя! Это мой адрес!

Тут уж я не удержался. Резко развернулся и бросил на Щербатова взгляд, от которого фельдшер тут же прижался к машине.

— Александр, забудь про субординацию. Ваша машина сейчас ни на что не способна. Если не поможем больному, есть риск, что в конце дня ты будешь оформлять не вызов, а освидетельствование смерти. Хочешь взять это на себя?

Щербатов промолчал. Его самоуверенность таяла на глазах.

Засранец редкостный. И это я ему ещё чёртовы визитки пока что не припомнил! Но сейчас не до них. Нужно помочь человеку.

Как только мы зашли в дом, я сразу же почувствовал своеобразный запах. Такой знает каждый врач. С ходу и не определить, что является источником запаха. Но на пороге обычно возникает одна-единственная мысль: «Пахнет болезнью».

Мы зашли в главную комнату и быстро объяснили ситуацию. Сказали, что мы врачи. А то так пациент с ходу и не поймёт, кто вдруг пробрался к нему в дом. Всё-таки после ночной рыбалки выгладим мы с Жаровым так себе.

На кровати лежал мужчина. Весь скорчился, мучался от боли. Лицо бледное, на лбу крупные капли холодного пота.

— Доктора... — прохрипел он. — Помогите... В животе горит всё. Будто костёр развели!

Жаров тут же присел рядом с пациентом, принялся проводить стандартный осмотр.

Я же активировал систему.

/РЕЖИМ ДИАГНОСТИКИ: активирован. Напоминание пользователю! Система не предназначена для подробного осмотра органов пациента. Обследование требует большего количества энергии пользователя и не гарантирует эффективность/

Это я уже давно знаю. Можно было бы и не уточнять. Но всё же благодаря системе я увижу больше, чем Жаров. Хотя... спорно.

Я бы сказал, что при осмотре не психических пациентов я вижу в десять раз больше, чем неопытный терапевт, и в то же время — в десять раз меньше, чем врач с колоссальным опытом.

Другими словами, моя система — не панацея.

/Ультразвуковое сканирование через акустические сенсоры... Обнаружена свободная жидкость в брюшной полости. Перфорация полого органа. Состояние: септический шок в начальной фазе/

Ох и паршивая же ситуация! Диагноз неутешительный.

— Щербатов, ты что ему вводил? — почувствовав присутствие фельдшера за своей спиной, спросил я.

— Анальгин с димедролом, — буркнул тот. — И «Но-шпу». Ну, дротаверин.

— Я знаю, что такое «Но-шпа», не надо объяснять... —

перебил его я, а затем перешёл на шёпот. — А вообще, коллега, гениально, — я едва сдержал фильтр мата. — Смазал картину при остром животе. Андрей, тут прободная язва. Счёт идёт на минуты. Машина Щербатова мертва, наша тоже.

Проклятье... И угораздило же именно Щербатову приехать на этот вызов. Вколоть болеутоляющие при остром животе — это верх непрофессионализма. В университетах и колледжах чуть ли не на каждом курсе твердят, что так делать нельзя. Да, боль это уберёт. Но что будет потом? В данном случае боль — это главный симптом. Можно запросто загасить болевой синдром, и потом хирург не сможет поставить правильный диагноз. Пациента потом отправят домой и... Что в итоге?

Смертельный исход. Боль — важный признак. И если она острая, резкая, нестерпимая, то гасить её нельзя. Нужно сразу же ехать в больницу.

— И что нам делать? — Жаров посмотрел на меня с надеждой. Рассчитывал, что я найду выход. — Алексей Сергеевич, вы же всегда что-то придумываете!

Я посмотрел на Щербатова, а затем перевёл взгляд на окно, за которым стояла сломанная скорая.

— Макс сейчас пытается оживить «буханку», — прошептал я. — Если мы не достанем запчасть здесь и не вернёмся к нему через десять минут — этот человек умрёт, — заключил я и тут же перевёл внимание на Щербатова. — У твоего

водителя в ремкомплекте есть медный силовой кабель? Или запасное втягивающее?

Фельдшер моргнул, не понимая, к чему я клоню.

— Вроде было что-то в запасе. Но какая разница, если наша машина не заводится? С ней ситуация совсем плачевная.

— Разница в том, — я шагнул к нему, — что сейчас ты отдашь мне всё, что у вас есть из рабочих запчастей. А мы с Жаровым совершим невозможное. Возьмём и объединим две сломанные машины в одну живую. Андрей, оставайся с пациентом. Ставь систему, капай всё, что считаешь нужным. В машине должен быть запас препаратов. Тяни время. А я — бегом к Максусу.

Я выскочил из дома, на ходу выхватил у изумлённого водителя скорой коробку с запчастями.

— Ждите! — бросил я ему. — Скоро вернусь.

Придётся пробежаться...

Система смогла повлиять на мою эндокринную систему через мозг, и я тут же получил максимальный уровень адреналина. Мне нужно преодолеть три километра за считанные минуты, иначе эта рыбалка закончится совсем не так, как мы планировали.

Я сразу же начал видеть окружающий мир куда чётче, чем обычно. Организм благодаря действию системы перешёл в ускоренный режим. Сердце колотилось как бешеное. Но я знал, что это нам поможет. Не только моей рыболовецкой команде, но и пациенту.

/ВНИМАНИЕ! Превышение лимита физической нагрузки. Рекомендовано снижение темпа. Риск микроразрывов мышечной ткани/

Да плевать, это не страшно. Микроразрывы всегда ведут к увеличению мышц. Так что в каком-то смысле это можно засчитать за усиленную тренировку!

Три километра пролетели даже быстрее, чем я думал. Когда выбежал к «буханке», Забелин и Бахаев, отчаявшиеся из-за сложившейся ситуации, уже уселись на траву рядом с машиной. Только Макс продолжал копать во внутренностях машины. Я, пытаясь отдышаться, бросил коробку с запчастями рядом с Максом.

— Ситуация изменилась, — бросил я. — Там в деревне скорая сломалась. Человек умирает. Чини, Макс! Срочно! Придётся нам его везти на этой машине. С позволения доктора Забелина, разумеется.

— Твою ж... — стиснул зубы Забелин. — Да куда ж я денусь? Поможем коллегам. Вот только эта машина не предназначена для перевозки пациентов. Если что — ответственность на тебе, Астахов.

— Согласен. Так и поступим, — подтвердил я.

Макс не стал задавать лишних вопросов. Он тут же ускорился.

С имеющимися запчастями он смог починить машину за считанные минуты.

— Есть! От винта! — прокричал Макс, Забелин тут же

повернул ключ и... двигатель издал звук, чем-то напоминающий кашель астматика. Затем из выхлопной трубы вылетело облако дыма, но машина всё-таки завелась.

Живая! Значит, может ехать.

— Прыгайте! — крикнул Макс. — Дорогу покажешь на ходу, док!

А что произошло дальше — словами не описать. Мы не ехали, мы летели! «Буханка» прыгала по кочкам и корням. Не знаю, как машина выдерживала поездку через лес, но мы добрались до деревни минут за десять. Всё-таки Макс знает своё дело!

Мы быстро погрузили пациента на носилки и затащили в машину. Щербатов в итоге вообще не сыграл никакой роли. Остался вместе с машиной скорой в селе. Уж им мы помочь точно никак не могли. Может, Макс и починил бы как-то их автомобиль, но времени у нас не осталось.

Одна проблема, в машине теперь пахнет рыбой. Но пациента это не беспокоило. Он был готов к такому сюрпризу — лишь бы поскорее добраться до стационара.

Машина сорвалась с места. Я сидел рядом с пациентом и вскоре заметил, что он снова начал бледнеть. Хотя казалось, что дальше некуда.

/ВНИМАНИЕ! Резкое падение артериального давления. Критический уровень эндорфинов. Прогноз: остановка сердца вследствие болевого шока в течение 300 секунд/

— Андрей, он уходит! — крикнул я. — Болевой шок!

— Я ничего не могу сделать! — Жаров начал паниковать.

— На такой тряске даже в вену повторно не попаду! А если и попаду — это мало что изменит.

Я посмотрел на пациента через призму системы. Его сознание угасало. Обычные методы здесь бессильны. Остаётся один-единственный вариант...

Придётся предпринять крайнюю меру. Всё, чтобы помочь человеку. Я могу отключить ему всю болевую систему. Так он не умрёт от болевого шока. Но это рискованно. Ведь это может помешать хирургам.

Рискованно и для него, и для меня. Ведь блокировка боли сильно меня истощит. Скорее всего, истощит до предела.

А я ведь даже не на дежурстве.

Что ж, выход у меня только один... Приступим!

Глава 5

Решение нужно принимать здесь и сейчас. Срочно.

А потому я стиснул зубы и приступил к работе. Так уж меня учили. Так воспитан старшими коллегами из далёкого будущего. Иногда ради спасения пациента нужно жертвовать собой. Такова участь любого человека, кто осмелился податься в медицинскую сферу.

Времени на раздумья не осталось. Пациент захрипел, глаза начали закатываться. Ещё немного — и болевой шок уже будет неизбежен. А у него и без шока низкое давление из-за потери крови.

Тут ещё плюс ко всему проблема с препаратами. Можно было бы применить гемостатики — лекарственные средства, которые останавливают кровотечение. Но скорая оснащена слабо. У них, кроме «но-шпы», болеутоляющих, адреналина и дексаметазона, больше ничего нет. Как они оказывают помощь на дому — понятия не имею!

— Макс, гони! — прокричал я. — Мы с Жаровым продержим его сколько сможем.

/ВНИМАНИЕ! Запуск протокола «Прямой нейронный блок болевых рецепторов». ОПАСНОСТЬ: вторичное воздействие на оператора. Потеря энергии: КРИТИЧЕСКАЯ/

Как только я применил этот навык, моё зрение угасло. На долю секунды мне даже показалось, что я исчез — снова пе-

реместился в другой мир. Прямо как в прошлый раз...

Но на деле система просто отключила мне все органы чувств. Оставила только анализ состояния пациента. Я видел только его нервную систему и больше ничего.

/Фиксируется критический уровень боли. Запускается протокол блокировки болевых рецепторов.../

Я мысленно потянулся к ауре больного и начал направлять в него свой внутренний запас сил. Делился собственной энергией, лишь бы дать ему шанс добраться до приёмного покоя живым.

/Адаптация болевого порога. 80%... 95%... Блокировка завершена/

Я открыл глаза и с облегчением выдохнул. Мужчина на носилках вдруг обмяк. Будто крепко заснул. Я уже даже напрягся. Подумал, что он всё-таки умер. Но оказалось, что мне каким-то образом удалось ввести его в состояние временного наркоза.

Вот только сил я при этом потратил немерено.

— Это ещё что за... — Жаров осёкся. Выронил шприц с заготовленным препаратом. Прощупал пульс пациента, а затем удивлённо взглянул на меня. — Алексей, что ты сделал? У него даже давление стабилизировалось! Что-то я ничего не понимаю...

— Это не я, а Щербатов, — пришлось солгать, чтобы не раскрыть свои способности. — Видимо, введённые им препараты подействовали только сейчас. Запоздалая реакция.

— Слишком уж резко, — Жаров недоверчиво покачал головой. — Первый раз такое вижу.

Уровень совместимости: 15%. Достигнут новый порог. Доступен навык: «Взлом эмпатии». Внимание: требуется время для калибровки. Подробности будут описаны позже. Ожидайте!

Пятнадцать процентов...

Награда просто королевская. Совсем недавно у меня было всего девять процентов. Но я не проверял совместимость во время отдыха у озера. Возможно, тут и калибровка командного духа сыграла свою роль.

Вот только тело теперь ноет, будто по мне Макс на «буханке» проехался. Причём на полной скорости! Ничего, собой займусь позже.

Ведь мы уже почти добрались до больницы.

В приёмном покое нас встретил невыспавшийся и крайне раздражённый хирург. Лет тридцати пяти, в помятом халате, с бейджиком «Игорь Васильевич Савочкин».

Мы с ним ещё ни разу не пересекались. Так что я понятия не имею, что ожидать от этого коллеги.

— Что тут у вас? — он лениво зевнул. — Вы кто такие?

— Болван, не узнал, что ли?! — прикрикнул Бахаев. — Пил всю ночь я, а людей не узнаёшь ты? Глаза протри, Савочкин!

Я решил пресечь этот конфликт на корню и принялся объяснять ситуацию.

— У пациента подозрение на прободную язву. Состояние крайне тяжелое, был эпизод шока. Лечение нужно начинать незамедлительно, — пояснил я.

Савочкин подошёл к мужчине, прощупал его живот. Но пациент даже не поморщился, лишь приоткрыл глаза.

— Доктор, уже намного лучше, — пробормотал больной.
— Боль окончательно ушла.

Игорь Васильевич выпрямился и, не скрывая скепсиса, взглянул на меня.

— Вы меня за идиота держите? Какая прободная? У него живот мягкий, «доскообразного напряжения» нет, симптомов раздражения брюшины — ноль. Мужик просто отдохнуть хочет. Вы на кой чёрт его ко мне притащили в воскресенье? Поиздеваться решили? — он прищурился. — Дайте-ка угадаю... Вы же его, поди, и напоили, да?

— Игорь Васильевич, послушайте, — влез Жаров, — там была классическая картина! Кинжальная боль, пот, падение давления...

— Была, да всплыла? — оборвал его Савочкин. — Слушайте, коллеги-рыболовы, езжайте-ка вы досыпать. У меня мест в отделении нет, чтобы каждого симулянта укладывать. Подержим его в коридоре, проспится — и пойдёт домой.

Внутри меня вскипела ярость. Та самая — от предшественника. Но на этот раз я сразу же её придавил. Нельзя потерять проценты, которые я заработал таким трудом!

Система вошла в режим энергосбережения. Начала выда-

вать короткие подсказки. А точнее — озвучивала мои же мысли, до которых я сам ещё дойти не успел.

Необходимо задержать Савочкина. Если он уйдёт — в течение двух часов у пациента начнётся разлитой перитонит с вероятностью 92%. И это приведёт...!

К летальному исходу. Да. Всё верно. Его нужно остановить. Переубедить любой ценой.

— Доктор Савочкин, — я повысил голос, чтобы привлечь внимание хирурга. — Вы рискуете совершить фатальную ошибку. Мы ввели пациенту мощное болеутоляющее по жизненным показаниям, чтобы он не умер от шока прямо в машине. Клиническая картина смазана искусственно. Так что диагноз вам придётся ставить инструментально. И срочно.

— Какое ещё болеутоляющее? — нахмурился он. — Вы что ему, морфин вкатили?!

— Нет, всё подряд закинули. От «но-шпы» до дексаметазона, — солгал я.

— Вы... Вы совсем идиоты?! Да у него же теперь точно желудочно-кишечное кровотечение откроется! — запаниковал Савочкин.

И в этом он прав. Большинство обезболов сильно портят желудок. Но лучше уж мы будем идиотами в его глазах, чем сдадимся и оставим пациента умирать в коридоре.

— Предупреждаю в последний раз, Игорь Васильевич, — продолжил убеждать его я. — Если вы сейчас не сделаете

хотя бы обзорный снимок и не увидите там свободный газ под диафрагмой — завтра вы будете писать объяснительную прокурору. И четыре врача — я, Бахаев, Жаров и Забелин — подтвердят, что мы вас проинформировали о предварительном диагнозе.

Савочкин чуть не поперхнулся воздухом. Мне всё же удалось его продавить.

— Ладно, — буркнул он. — Катите его на рентген. Но если там чисто — будете сами его обратно в свою деревню везти! У скорой машины кончились ещё ночью!

Дальше процесс пошёл быстро.

Всего через десять минут хирург вылетел из рентген-кабинета. Бледный как смерть. Даже отёки после сна прошли. В руке он держал мокрый рентгеновский снимок.

— Вашу мамашу... — выругался он. — Серп воздуха под куполом диафрагмы. Огромный. Пациент орать должен от боли! Неужто безболевого перитонит?

— Я же сказал — его хорошо обезболили, — коротко бросил я. — Оперируйте, Игорь Васильевич. Дальше вся надежда на вас.

Савочкин спорить не решился.

— Вторую операционную! Быстро! Анестезиолога сюда! — крикнул он медсёстрам.

И пациента на каталке увезли в хирургическое отделение.

— Всё правильно сделал, Астахов, — сказал Бахаев, когда в фойе приёмного отделения остались только мы одни.

— Савочкина хоть и зовут иногда «Стервочкином», но как хирург он хорош. Он мужика с того света вытянет — вот увидишь.

Такое впечатление, что в нашей больнице у каждого сотрудника есть своя кличка. Но сейчас это не важно. Главное, что я всё-таки смог его убедить.

Мы вышли на крыльцо, которое вело ко входу в приёмное отделение. Время подошло к полудню. Я не спал целые сутки, но бодрость была через край. Даже не заметил, как пролетело время. За работой всегда так.

— Успели? — коротко спросил Макс.

— Успели, — кивнул Жаров и тут же приземлился на ступеньку. — Алексей этого мужика и в самом деле с того света вытащил. Я до сих пор не понял как. И хирурга убедил так быстро... Честно скажу, я бы так не смог.

Я прислонился к столбу, что держал навес. Энергия была на нуле, перед глазами рябь, но на душе приятное спокойствие. Хорошо, что мы смогли вовремя оказать помощь этому человеку.

Подумать только... Если бы мы не застряли у озера, скорее всего, пациент бы погиб. Так называемый эффект бабочки. Получается, что Жаров, выдернув «массу», запустил цепочку событий, которая в итоге сохранила жизнь человеку.

— Ладно, герои, — Бахаев подошёл ко мне и похлопал по плечу. Да так, что я чуть равновесие не потерял. — Не могу не похвалить тебя, коллега. Врач ты, Астахов, настоящий.

Хоть и со своими странностями. Всё... Расходимся. Мы с товарищем Забелиным прикроем вас на следующей неделе. Как и обещали. Спор есть спор. А пока — поехали по домам.

— Можем как-нибудь ещё порыбачить, — добавил Забелин, открывая дверь «буханки». — В следующий раз обещаю: больше не будем вас обманывать. Слово невролога!

Забелин решил отвезти всех «рыболовов» по домам.

Я сел на заднее сиденье и с глубоким удовлетворением прикрыл глаза. Система окончательно перешла в режим сна, чтобы восстановить силы. Я же перейду в этот «режим» чуть позже. За эти сутки сильно измотались и психика, и тело.

Но мы победили! И в соревновании со старой гвардией, и сломанную «буханку» одолели, и даже смогли спасти жизнь пациента в свой выходной.

Вот теперь точно можно отдохнуть.

А новый навык подождёт. Как проснусь — узнаю, что же приготовила для меня система. Дело в том, что теперь она развивается несколько иначе. Не так, как это было в моей прошлой жизни. По крайней мере, навыка «Взлом эмпатии» у меня ещё не было. Как только восстановлю силы, сразу же его изучу.

Я проспал почти десять часов. И честно говоря, был готов поспать ещё немного, но решил сделать перерыв, чтобы не сломать себе режим. А то на часах и так уже десять вечера!

Нужно немного пободрствовать. После сна я принял душ ещё раз, чтобы окончательно смыть с себя запах речной воды

и рыбы. А рыбу, кстати, отдали Жарову. Он пообещал, что его жена что-то из неё сварганит, и после он угостит всех участников рыбалки, даже проигравших стариков.

Придя в себя, я вызвал меню системы. И та, наконец, сообщила мне о завершении обновления. Новый навык окончательно перешёл под мой контроль.

ЮБНОВЛЕНИЕ ЗАВЕРШЕНО. Статус совместимости нейроинтерфейса: 15%. Доступен навык: «Взлом эмпатии»/

Что ж, посмотрим, что это за способность!

Оказалось, система подкинула мне очень интересную штуку, но при этом какого-то невероятного могущества она мне не давала.

Нейроинтерфейс научился считывать микровыражения лица, тембр голоса и потоотделение собеседника, превращая это в шкалу «Эмоционального фона». Ранее я лишь строил догадки, но теперь мог видеть точно, когда человек врёт, злится или скрывает страх, даже если на лице у него ни одной эмоции. Плюс получил доступ к лёгкой коррекции этих эмоций. Теперь я способен транслировать «успокоение» через визуальный контакт. Не гипноз, конечно, но для психиатра подспорье неоценимое.

Мои размышления прервал звонок мобильного. На экране высветилось: «Елена».

Та самая Лена, с которой мы вместе занимались спортом по вечерам. Девушка, которая смотрела на меня с опаской, будто ожидая, что я вот-вот превращусь в того Борзова, ко-

того она встречала раньше. При неизвестных мне обстоятельствах.

— Алло, Лена? — ответил я. — Что-то случилось?

Ранее она никогда мне не звонила. Только писала в мессенджере.

— Лёша, привет, — голос в трубке дрожал. Она явно плакала. — Прости, что звоню так поздно. Я просто... Мне больше не к кому обратиться в этом городе.

— Говори прямо. Что стряслось? — напрягся я.

— Прости, пожалуйста, но... Я врала тебе всё это время, — она шмыгнула носом. — Про родителей, про квартиру. Я, кажется, говорила тебе, что живу с родителями. Или не говорила... В общем, завралась. Правда, прости. На самом деле нет у меня здесь никого. Мама с папой в Саратове остались, а я... Я думала, что сама справлюсь. Но ничего не вышло!

— Подожди, — я сосредоточился на разговоре, пока что ничего не понятно. — А как же та квартира, про которую ты рассказывала? Где ты жила? Расскажи по порядку. Ты меня совсем запутала.

Плюс ко всему я не могу регистрировать её эмоциональный фон через телефон. А я уже привык к этому «козырю».

— Хозяйка выставила меня сегодня утром, — Лена попыталась успокоиться, но голос у неё всё ещё дрожал. — Вещи на тротуаре, замок сменили. Я дизайном сайтов занималась, фрилансом. Ты ведь помнишь, да? Раньше заказов хватало, а в последние месяцы клиентов стало очень мало. Один за

другим — все слились. Платить за аренду стало нечем, задолжала. Я надеялась, что хозяйка меня поймёт. Но... Вышло как вышло.

— И где ты сейчас?

— В парке сижу, на сумках. Телефон почти сел, — она горько усмехнулась. — Ты не подумай! Я позвонила не для того, чтобы давить на жалость или денег просить. Правда. Ты просто вроде ориентируешься в городе. Может... знаешь, где тут можно комнату снять подешевле? Совсем крошечную. Или какой-нибудь хостел для рабочих? Лишь бы не на вокзал. Я уже думала в Саратов вернуться, но мне так не хочется уезжать из Тиховолжска... Он мне нравится. Здесь очень приятно работать.

Даже без системы я понял, что она говорит правду. Откровенничает со мной. Ей и вправду больше некуда податься. И я хочу помочь Лене. На то есть две весомые причины.

Во-первых, мой предшественник что-то начудил в прошлом — как-то навредил ей или просто испугал. Во-вторых, мне она в принципе понравилась с самого начала. Не только с точки зрения симпатии, но и как человек.

Я не проигнорирую её просьбу. Как раз наоборот, думаю, что смогу дать ей больше, чем она просит.

— Лен, послушай меня, — мне пришлось перебить девушку. Из-за нервов она начала болтать без остановки. — Ни на какой вокзал ты не пойдёшь. И в Саратов уезжать не надо, если город нравится. Перебирайся ко мне.

В трубке повисла тишина.

— В смысле... к тебе? — растерялась она. — Куда?

— Я в служебной квартире живу. Двухкомнатная, места хватит. Я посплю на диване в гостиной, тебе отдам кровать в спальне. Это временно, пока не найдёшь работу. Никто тебя тут не обидит, обещаю.

Она долго смущалась, отказывалась, говорила, что это ей неудобно и всё это неправильно, но в итоге сдалась. Ехать ей было действительно некуда.

Через час она уже была у меня. Вещей оказалось немного — два чемодана и рюкзак. Вид у неё был загнанный. Даже хуже, чем у меня после безумной рыбалки.

Я как мог старался разрядить обстановку. Заварил чай, рассказал пару историй с прошедших выходных. В общем, помог чем смог.

— Спасибо тебе, — она впервые за вечер улыбнулась. — Не знаю, что бы я без тебя делала.

— Всё в порядке. Чувствуй себя как дома. Приходи в себя. Постельное бельё в шкафу, располагайся.

Она ушла в душ, и вскоре за дверью ванной зашумела вода. Я начал застилать себе диван. Уже второй раз за день испытал глубокое удовлетворение. Помогать людям приятно. И в клинике, и за её пределами. Именно поэтому когда-то я и встал на этот путь.

Однако мой покой нарушил резкий, настойчивый звонок в дверь.

Проклятье... Надеюсь, это не очередная путана, которую когда-то заказал наш главный врач или кто-то из заведующих. Сейчас совсем неподходящее время для незваных гостей.

Я подошёл к двери и заглянул в глазок. На лестничной площадке, поглядывая на часы, стоял Эдуард Альбертович Копылов — наш заведующий хозяйством.

На часах — полночь! Что он тут забыл?

Я открыл дверь.

— Эдуард Альбертович, вы на часы смотрели? — скромничать я не стал. Мог бы и предупредить звонком, что придёт в это время. — У вас что-то случилось?

Завхоз, не дожидаясь приглашения, шагнул в прихожую. Он взглянул на меня с толикой торжества. Вот только я пока что не мог понять, чему он так радуется.

— А я вот, Алексей Сергеевич, решил внеплановую проверку провести. Имею право по регламенту. Вдруг у вас тут кран течёт или... — он внезапно замолчал, прислушался к шуму воды. — Или нарушаете условия договора?

Как назло, именно в этот момент вода в ванной выключилась, и мы с завхозом услышали крик Лены:

— Лёш, а где тут второе полотенце? Я не нашла!

Копылов не стал задавать вопросов. Лишь взглянул на меня, ожидая, что я сам объясню, что тут происходит.

В моей голове тут же пронёсся один из пунктов договора с поликлиникой.

«Проживание посторонних лиц строго запрещено».

Что ж... Кажется, теперь мы с Леной оба рискуем оказаться на улице!

Глава 6

Ну уж нет. Я столько всего пережил за последние несколько месяцев – и влипнуть в неприятности из-за прихоти завхоза?

Так дело не пойдёт. И я, кажется, знаю, как выйти из этой ситуации. Хорошо, что я успел немного отдохнуть после рыбалки. Система перезагрузилась и теперь способна запустить новый навык. Вот сейчас и проверим, как он работает в деле!

Ещё не помешает выяснить, какого чёрта он вообще припёрся посреди ночи. Понимаю, что он должен проверять служебные квартиры, но внеплановый визит в такое время — это перебор.

/ВНИМАНИЕ! Анализ эмоционального фона... Объект: Копылов Э. А. Статус: агрессивное торжество, скрытая неуверенность. Уровень «синдрома вахтёра»: КРИТИЧЕСКИЙ/

Это многое объясняет. Он прямо-таки лучится от самодовольства. А всё потому, что смог застать меня с поличным. Будто хотел это сделать с самого начала.

Кажется, я понял... Ведь изначально, перед заселением меня в эту квартиру, он вёл себя абсолютно спокойно, вежливо. А всё потому, что до заселения у него не было надомной никакой власти.

А теперь он может диктовать свои условия, поскольку от-

вечает за служебное жильё. Я оказался в зоне его влияния.

Что ж, интересный кадр. Но я знаю, как с такими разбираться. Как правило, с такими людьми нужно биться их же оружием.

— Эдуард Альбертович, — спокойно произнёс я. — Вы ведь понимаете, что нарушаете мой режим отдыха? Если вас смущает шум в ванной — не беспокойтесь, там нет ничего особенного. Вся сантехника исправна. Вы ведь за этим пришли? Проверить трубы?

Завхоз криво усмехнулся. Он даже не пытался скрыть, что кран и трубы сейчас интересуют его меньше всего на свете.

— Трубы, Алексей Сергеевич, это само собой. Потом гляну, на всякий пожарный. Тут дело вот в чём... Мне бдительные граждане донесли... Ваша соседка с первого этажа позвонила, Тамара Степановна. А она женщина уважаемая, я ей доверяю. И она сообщила мне, будто видела, как вы какую-то девушку сомнительного вида с чемоданами в государственную квартиру заводили. А у нас тут не гостиница, доктор Астахов.

Уж кто бы говорил! Эта квартира в принципе изначально использовалась как место для свиданий. Только Копылов, видимо, не влезал в эти дела, поскольку в противном случае получил бы от главного врача по шапке.

Завхоз сделал шаг вперёд, его глаза забегали по квартире. В этот момент дверь скрипнула. Из ванной комнаты вылетело облако пара, а затем появилась сама Лена. Она была

укутана в мой домашний халат, который был ей явно не по размеру. Девушка в нём чуть ли не тонула.

— Ой... — заметив Копылова, вздрогнула Лена.

— Так-так-так, — завхоз аж на табурет присел от восторга. Затем достал из кармана старый блокнот и принялся в нём что-то фиксировать. — Ну что, Алексей Сергеевич, будете как-то оправдываться или сразу отдадите ключи? Пункт двенадцатый нашего договора. Забыли? Я вам его в прошлый раз лично зачитывал.

Что ж, повеселились и хватит. Пора это дело заканчивать. Я активировал «Взлом эмпатии».

/АКТИВАЦИЯ: трансляция уверенности. Подавление агрессии оппонента/

Я шагнул вперёд и тем самым оказался в личном пространстве завхоза. Как показывает практика, оппонента это обычно лишает ментальной опоры.

— Эдуард Альбертович, — строго сказал я. — Посмотрите на меня. Только внимательно.

Копылов заморгал. Попытался что-то вставить, но не смог. Я сбил его мысли своим взглядом.

— Вы только что обвинили меня в нарушении договора, — не моргая, продолжал говорить я. — Но на деле ситуация иная. Лично я сейчас вижу перед собой человека с явными признаками острого невроза. Скорее всего, на почве хронического недосыпа. Как вы там называли соседку? Тамара Степановна? Я её уже видел. И заметил, что у неё тоже есть

ряд проблем. Другими словами, вы устроили в моей квартире обыск посреди ночи только потому, что вам позвонила старушка с прогрессирующей деменцией?

— Какой-какой деменцией? — заикнулся завхоз.

/Аура превосходства начала тускнеть, сменяется тревожным фиолетовым цветом/

— Обыкновенная деменция. Старческая забывчивость и домыслы. Которые вы, кстати, поощряете, — я сделал ещё один шаг вперёд. Копылов, сам того не заметив, вжался спиной в дверной косяк. — А в ванной у нас — Елена Игоревна. Она — волонтер-дизайнер, которая по просьбе главного врача готовит проект в одном из наших отделений. И приехала она так поздно, потому что я только что вернулся с тяжелейшего вызова в Красных Ключах.

Он не будет проверять, правда это или нет. Я в этом уверен. Он не станет лезть к главному врачу с такими вопросами, чтобы не выставить себя идиотом.

Однако позже я всё равно перестрашусь. Есть у меня пара идей на этот счёт...

Я краем глаза заметил, как Лена открыла рот, но тут же его закрыла.

Молодец. Быстро сообразила, что влезать в этот разговор не стоит.

— Я разместил её здесь, чтобы завтра в восемь утра она была в кабинете у руководства с готовыми эскизами. Вы что, хотите сорвать это распоряжение? — я надавил на него ещё

раз. — Вы хотите объяснить главному врачу, почему из-за вашего синдрома вахтёра сорвался проект, утверждённый областным центром?

И вот самое ироничное — такой проект и в самом деле есть. Я слышал, как во время фуршета губернатор обсуждал этот вопрос с нашим главврачом Володиным. Вот только, зная главного, он будет оттягивать осуществление этого проекта до последнего. Либо просто отмоет деньги.

Повезло, что я вспомнил об этом. Грех не воспользоваться такими знаниями.

Копылов нервно сглотнул, а затем спрятал свой блокнот назад — в карман куртки.

— Но... Алексей Сергеевич, регламент же... — в отчаянии пробормотал он.

— Какой регламент? — усмехнулся я. — Вы про здравый смысл-то не забывайте. Вы сами явились ко мне посреди ночи, вопреки этому регламенту. И я рекомендую закончить на этом наш разговор. Я ведь тоже могу составить отчёт о вашем приходе. Ночной визит, мания преследования, необоснованная агрессия к коллегам... Благо, как психиатр, я могу расписать такой протокол.

Завхоз побледнел. Я только что пригрозил тем, чем он больше всего дорожит. Его рабочим местом.

— Алексей Сергеевич... Ну что вы так сразу? — он нервно рассмеялся. — Я же о порядке просто волнуюсь. Тамара Степановна-то, она ведь старенькая, перепутала, видать.

Сказала — чемоданы. А это, значит, чертежи?

О, отлично, мне даже придумывать не придётся. Он сам себе сочинил объяснение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.